

ВАЛЕРИЙ ЧАЛИДЗЕ

ПОБЕДИТЕЛЬ
КОММУНИЗМА

ВАЛЕРИЙ ЧАЛИДЗЕ

**ПОБЕДИТЕЛЬ
КОММУНИЗМА**

Мысли о Сталине, социализме и России

CHALIDZE – PUBLICATIONS

New York

1981

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Откуда мы знаем о нем?	5
Рождение плана	17
Коллективизация	23
Индустриализация	30
Репрессии	34
Имперская идеология	42
Борьба с международным коммунизмом	52
Об иерархической структуре общества	58
Его государство	76
Сталинская империя теперь	86

* * *

Б л а г о д а р н о с т и :

Дискуссии с Татьяной Литвиновой, Стробом Талботом, Эдвардом Клайном, Липманом Берсом, Эрнстом Неизвестным, Василием Рудичем и их критические замечания были весьма полезны автору.

* * *

VICTOR OVER KOMMUNISM

by Valery CHALIDZE

Copyright © 1981 by Valery CHALIDZE
Published by: Chalidze Publications, 505 Eight Avenue,
New York, N.Y. 10018

Manufactured in USA

ПРЕДИСЛОВИЕ

Он обманул всех нас и весь мир. Почти все до сих пор верят, что Сталин создал социалистическое государство, что он имел своей целью построение коммунизма. Между тем анализ показывает, что *Сталин одержал победу над социалистической революцией, уничтожил коммунистическую партию и реставрировал Российскую империю в гораздо более деспотической форме, чем это было до 1917 года.* При всем этом он вынужден был пользоваться марксистской фразеологией и скрывать свои истинные цели.

Несмотря на робкую попытку реставрации марксистской системы Хрущевым, советское государство продолжает быть не чем иным, как деспотической империей, не имеющей с социализмом ничего общего кроме марксистской фразеологии и неразборчивости в средствах.

Разоблачение этого величайшего обмана имеет несомненную политическую ценность. Если люди хотят изменить ситуацию в России, если они хотят помочь народам России освободиться от деспотии, они должны знать, против чего они выступают. Ныне, будучи обманутыми Сталиным, они борются против коммунизма и тем самым расходуют силы впустую.

У меня всегда было смутное чувство, что я чего-то не понимаю в вопросе о том, являются

ли нынешние правители России коммунистами. И я избегал обсуждения этой темы, хотя по инерции называл их и коммунистами, и большевиками. Похоже, что теперь я ясно представляю себе ответ на этот вопрос.

Эта книга -- не историческое исследование. На основе опубликованных фактов я пытаюсь дать толкование действиям Сталина и обсуждаю, какого же типа государство он создал. Хотя в целом моя трактовка, может быть, производит впечатление нетрадиционной, однако многое из того, что я говорю, было уже сказано раньше: многие люди понимали, что Сталин не создал социалистическое государство, однако у людей велика инерция мышления, и большинство до сих пор находится во власти сталинского обмана.

При этом громадная часть творческого потенциала Российской мысли до сих пор тратится на попытки разрешения вопроса о том, "Правильный ли это коммунизм?", и тратится напрасно, ибо в России коммунизм -- в прошлом.

Я обсуждаю не только Сталина, но и то государство, которое он создал. Я говорю в этой книге о величии нынешней Российской империи, о том, что ей одной принадлежит будущее на Европейском континенте, и, как многие, напоминаю, что чрезмерно быстрое развитие этой империи окажется губительным для Европейской цивилизации, для человечества и человечности в мире.

ОТКУДА МЫ ЗНАЕМ О НЕМ ?

Как бы ни была ужасна его роль в истории, она заслуживает того, чтобы быть оцененной объективно, без всяких предрассудков. Следует попытаться понять его цели и беспристрастно оценить им достигнутое. Речь не идет, конечно, о нравственной переоценке ужасов сталинской тирании, но об оценке результатов его деятельности.

Стереотип кровавого тирана мешает людям понять Сталина и вместе с тем объективно оценить то, что осталось после него. Он действительно жив в своем творении, и превратные понятия о его личности влекут за собой неправильную оценку того, что именно он создал и что продолжает функционировать как государство одной из величайших стран мира. Именно потому, что он живет в своем творении, о нем редко говорят беспристрастно: он еще не умер, он еще не история, он до сих пор — политическая действительность. Еще живы искалеченные им люди, еще стонут поработанные по его системе народы. Прошло почти тридцать лет со дня его смерти, но в спорах о нем — столько же страсти, как если бы он был жив.

Не только пролитая им кровь миллионов мешает людям быть беспристрастными в суждениях о нем. Роль России в современном мире и роль коммунизма в современном мире — слишком острые проблемы.

От кого мы знаем о нем? Прежде всего, от него самого. Судя по всему, он сам писал свою биографию, под его контролем пропаганда рисовала его образ для масс. Изучая это, мы знаем, каким он хотел быть в глазах подвластных ему. Он хотел быть величайшим, хотел быть полубогом в их глазах. Наслаждался ли он этим? Я уверен, что нет. Я уверен, что это обожествление было всего лишь политическим инструментом укрепления его власти и ни в коей мере не льстило его честолюбию. В то же время это было выражением важной на будущее идеи обожествления имперской власти вообще, а не только его личной: *он строил империю, а не карьеру*. Это был злодей, но очень серьезный, деловой злодей. Дешевая лесть подконтрольных, я уверен, не могла радовать его. Он презирал их, он презирал всех вокруг. И имел основания: вокруг, насколько хватало взгляда, не было никого, чей добрый отзыв был бы приятен, а людей достойных он уничтожил. Быть может, признание со стороны Гитлера, Черчилля, Рузвельта и бывало ему приятно, но не славословие его рабов.

Важно ли понимать это? Да, потому что это первое, что бросается в глаза, и первое, в чем люди, по-моему, ошибаются, полагая, что Сталин насаждал свой культ, чтобы ублажить себя чувственно, чтобы насладиться славословием. Мы не поймем Сталина, если будем приписывать ему такие дешевые проявления.

Сталин — это сгусток воли и разума с четко определенными целями. Ничто, сделанное им

в политике, не служило его чувствам. Такие сгустки воли и разума рождаются, быть может, раз в столетие, а вершат судьбами людей и того реже. Надо быть очень осторожным, чтобы в суждении о Сталине не размазать этот сгусток, исходя из стандартных представлений о психологии среднего человека, о его силе и слабостях. Конечно, у этого человека были чувства, но он не служил им, он подчинил их своей воле, своей цели; и все, что известно о нем, начиная, по крайней мере, с середины 20-х годов, убеждает меня в том, что Россия под его властью была поработана его силой, а не слабостями; была поработана ради его целей, а не ради его прихотей.

Сталин был великий актер и фальсификатор. Он успешно заставлял людей думать о нем то, что он хотел, и это ему удавалось не только тогда: наконец-то люди оказались способными не верить, что он лучший друг пионеров или гениальный ученый, но они до сих пор верят во многое, во что Сталин хотел, чтобы они верили. Они верят в то, что он был продолжателем Маркса и Ленина. Чтобы убедить людей в этом, Сталин фальсифицировал историю партии и революции, "приблизив" себя к Ленину необычайно; чтобы убедить людей в этом, Сталин пользовался марксистской терминологией для обоснования совсем не марксистских вещей. Сталин даже писал забавные, а лучше сказать — хулиганские статьи, демонстрируя, что он как бы развивает марксизм.

Ненавидя марксизм и коммунистическую

идеологию, уничтожив коммунистическую партию Ленина, он был вынужден пользоваться марксистской фразеологией, он был вынужден объявлять себя продолжателем Маркса и Ленина. Не мог же он, узурпировав власть, выступить по радио и сказать: "Здрасьте, я ваш диктатор. С коммунизмом отныне покончено". Но он *духарился*.*

То, что он писал в области марксизма -- это совершенное издевательство над марксизмом, это хулиганская выходка блатного: вот я пишу этот бред, называя его высшим достижением, а вы, очкастые фраера, которые воспитаны на этой презренной теории, извольте соглашаться и повторять за мной этот бред. А ведь люди так и не поняли. До сих пор считают, что творения вроде "Марксизм и вопросы языкознания" --

* Чувства не двигали им, но чувства, конечно, проявлялись. Что можно заметить из этих проявлений -- это склонность *подухариться*. Общение с уголовным миром в тюрьмах, и при организации грабежей для пополнения большевистской кассы не прошло для Сталина бесследно. Не я первый замечаю, что он усвоил многое с пользой для себя из этики и обычаев уголовного мира. Манера *подухариться* над *фраером* или *шестеркой* идет оттуда. Накормить обедом и обнять приготовленную жертву накануне ее ареста, преподнести букет цветов освобожденному из лагеря маршалу; пригрозить Крупской, что другую женщину объявят вдовой Ленина -- *пахан духарится*, зная, что он может позволить себе все, а окружающие его *фраера* и *шестерки* либо поверят, либо вынуждены будут поверить в то, что он хочет. И уж во всяком случае -- проглотят.

это просто результат его тупости и непонимания марксизма. Но забывают, что маска тупости, маска серости и посредственности была его давнишней и, быть может, самой успешной маской. Изящно победив Троцкого, что было не так уж легко, он умудрился навсегда оставить у повергнутого воспоминание о себе, как о "посредственности" -- между тем чем же еще измерить политический талант, как не такой победой?

Конечно, он не только *духарился* и в теории: "Марксизм и вопросы языкознания" -- это не просто хулиганство, это часть плана; здесь глубокая политическая цель: побороть ненавистный ему марксизм, разрешить марксизму жить в России только в том случае, если оттуда будут вычеркнуты все мысли и останутся только тривиальности и плюс к этому дать несколько резко противоречащих марксизму положений -- загадок для седовласых ученых мужей как пробный камень: вдруг после 20 лет его власти еще найдутся идиоты, которые верны марксизму и которые осмелятся поймать его на противоречии.

Мы знаем о Сталине также по книгам его дочери.* Сведений о нем там немного, но они очень важны для психологического портрета Сталина. Хотя Светлана Аллилуева -- ближайший к нему человек из всех, кто писал о нем, ее сведения, по-видимому, во многом беспристрастны. С некоторыми толкованиями, од-

* Светлана Аллилуева. "Двадцать писем другу", "Только один год".

нако, согласиться невозможно. Мнение о том, что Берия влез в доверие к Сталину больше, чем этого хотел Сталин, со следующими отсюда выводами, что Сталин частично находился под влиянием Берии -- это, конечно, результат недооценки личности Сталина. Такое говорили и в 30-х годах: борьба шла не против Сталина, а за влияние на Сталина. Не раз обвиняли людей, бывших около Сталина, в плохом влиянии на него.* Принять это -- значит пренебречь всем, что известно о Сталине. Я уверен, что никто после 1917 г. ни на йоту не контролировал Сталина и не влиял на него. Непревзойденный мастер интриги был трезв и чуток. Любой совет, ему данный, любой намек, случайно оброненный при нем, он был наверняка в состоянии заметить, докопаться до скрытых причин. Тем более, что он всегда был лучше информирован о взаимоотношениях людей в своем окружении, чем они могли думать. Мало того, он всегда один знал свои истинные цели, не доверяя их никому.

Мы многое знаем о Сталине также от Никиты Хрущева.** Надо, однако, помнить, что Хрущев, писавший о Сталине, -- не многим более честен, чем Сталин, сообщавший о Сталине. У Хрущева было много чего скрывать: и свое участие в кровавых делах Сталина, и свою роль в

* См. "Письмо старого большевика", Соц. вестник, 1936, №№ 23-24; 1937, №№ 1-2.

** Н. Хрущев. Воспоминания. Книга 1-я и 2-я. Chalidze-Publications, 1979, 1981.

событиях последних дней жизни Сталина. (До сих пор много невыясненных противоречий, связанных с этими последними днями. Сам Хрущев давал различные версии об этих событиях — от намеков о том, что тиран погиб от топора до претендующего на искренность рассказа о скорби у постели Сталина, умирающего своей смертью.*). У Хрущева было достаточно и политических причин, чтобы заблуждаться или врать о Сталине: политически ему нужен был Сталин, продолжавший дело Ленина с некоторыми ошибками. Для этого ему нужны были человеческие, всем понятные причины таких ошибок, ссылки на жестокость, мстительность Сталина и тому подобное. Это понятно. Хрущев был умный, выдающийся человек, но, по-видимому, ничего не понимал в действительных целях Сталина, поэтому для объяснения столь массовых репрессий и отхода от ленинизма ему приходилось прибегать к ссылкам на эмоциональные слабости Сталина.

Жестокость Сталина оспаривать не приходится, однако следует отвергнуть любые утверждения Хрущева и многих мемуаристов о том, что эта жестокость могла быть движущей силой в действиях Сталина. Бывало, что тиран наряду с достижением своих целей наслаждался садистически; бывало, что тираны развлекались пытками и истязаниями. О Сталине таких данных просто нет, несмотря на то, что у него было достаточно возможностей удовлетворить свои

* А. Авторханов. Загадка смерти Сталина.

садистические страсти, если бы он этого хотел, — скорее всего мы узнали бы об этом, если бы такие случаи были, как мы знаем это про Берию, который лично истязал заключенных.* Я думаю, что утверждения о жестокости как о движущей силе сталинских действий — это лишь умозаключение, вытекающее из принятия стереотипа кровавого тирана.

О том, что Сталин якобы страдал манией преследования, мы знаем и от Хрущева, и из многих других источников. Рассказывают о том, что Бехтерев якобы поставил Сталину диагноз "паранойя" и был за это отравлен.** Иные делают это утверждение, просто исходя из стереотипа кровавого тирана.*** Но тут нам приходит на помощь сам Сталин. Если бы у него была мания преследования, *кто-кто, а Сталин об этом бы не говорил* и тем более не сказал бы своим ближайшим и потому самым опасным сотрудникам. Хрущев вспоминает сказанную Сталиным фразу: "Пропаций я человек, никому я не верю. Я сам себе не верю".**** Поверим Хрущеву, что такая фраза была сказана. Но тогда это опровергает версию о мании преследования, это

* Гнедин. Катастрофа или второе рождение.

** Л. Шатуновская. Моя жизнь в Кремле. Chalidze-Publications, 1981 (в печати).

*** Г. Померанц. Нравственный облик исторической личности.

**** Н. Хрущев, Воспоминания, том 1, стр. 191.

только показывает нам, что Сталин был непрочь, чтобы некоторые его действия объяснялись либо манией преследования, либо страхом перед опасностью покушения на него.

Да, Сталин охранял себя со всей тщательностью. Сталин уничтожал тех, кого лишь подозревал в террористических мыслях. Но это не мания преследования. Это — вполне рациональное и обоснованное ожидание покушения. У кого-кого, а у Сталина было больше чем достаточно оснований ждать покушения, и тщательность его охраны свидетельствует не о его мании преследования, а о том, что он недооценил рабью сущность бывших вокруг него: по-моему, неизвестно ни одного действительно покушения на Сталина.

Версия о той или иной степени психической неполноценности Сталина привлекательна для людей просто потому, что они не могут себе представить, как нормальный человек может быть столь жестоким в достижении своих целей, как нормальный человек может загубить столько миллионов людей. Психопатология тут ни при чем. Я уверен, что существует много самых нормальных людей, которые загубили бы не меньше, если бы им предоставилась такая возможность. Говорят, что трудно первое убийство. После того, как человек перешел эту границу и не раскаялся и не испугался, дальше, по-видимому, уже легко. Тем более, не будем забывать, что Сталин никогда не убивал своими руками (приписываемое ему некоторыми убийство собственной жены нельзя считать доказан-

ным), а если так, то биологического страха перед убийством он и не испытал. Способность же подчинить совесть своим целям — не признак умопомешательства и совсем не редкость.

Психопатологическую версию подтверждают и случаи длительной депрессии Сталина после начала войны: после бранчливого возбуждения первого дня Сталин скрылся, нигде не появлялся и никого не принимал в течение нескольких дней. Факт такой депрессии не свидетельствует о выходе за рамки психической нормальности — напротив, отсутствие более частых депрессий подобного рода при том сверхестественном напряжении, в котором Сталин провел 30 лет, свидетельствует о прекрасной психической устойчивости Сталина. Депрессия первых дней войны (из-за которой Сталина часто обвиняют в дезертирстве — что совсем смешно), судя по всему вовсе не сопровождалась помутнением сознания. Это был просто упадок сил, вызванный стрессовой ситуацией.

Важным источником сведений о Сталине являются отрывочные сообщения тех, кто общался с ним. Часть из этих сообщений опубликована в советской печати и, следовательно, прошла через партийную цензуру, так что нужно быть осторожным, если информация имеет политическое значение. Другие сведения сообщены старыми большевиками и известны из Самиздата, зарубежных изданий или книг, воспроизводящих сведения, полученные из среды ста-

рых большевиков. (Например, книга Р. Медведева "К суду истории"*). Иногда это не только сведения, но, скажем, слухи и рассказы, бывшие в хождении среди старых большевиков и партийных руководителей 20-30-х гг. (Таковы, например, многие рассказы в книге Антонова-Овсеенко**.) Некоторые сведения можно почерпнуть из публикаций перебежчиков тех лет, а также из работ изгнанного из СССР Льва Троцкого. В каждом случае источник требует особого характера и особой степени критичности. Слишком часто авторы либо сводят счеты, либо поддаются эмоциям, либо пытаются придать большую важность мелочи, которую они узнали о Сталине. А уж о рассказах о грехах родителей Сталина или его сексуальной жизни и говорить нечего.***

Особую группу составляют отзывы иностранцев о Сталине. Таких немного. Большого доверия заслуживает, как мне кажется, книга Милована Джиласа "Разговоры со Сталиным".

В меньшей степени я использую многочисленные сочинения, посвященные описанию сталинского периода в истории СССР и различным ин-

* Р. Медведев. К суду истории, Alfred Knopf, 1974.

** Антонов-Овсеенко. Портрет тирана. Издательство "Хроника", 1980.

*** Широкое хождение получила версия о том, что Сталин до революции был агентом "охранки". Я в это не верю, но подчеркну, что для моего обсуждения Сталина и его роли в истории это и не важно.

терпретациям характера этого периода и анализа целей Сталина. Как и любая великая фигура в истории,* Сталин вызвал много противоречивых толков, и здесь так же много мнений, как и авторов. Меня не беспокоит тот факт, что многие соображения, которые я буду высказывать о деятельности и целях Сталина, были высказаны ранее отдельными авторами. И я не всегда буду отмечать факт такого сходства.

Если так трудно найти правдивые и беспристрастные источники информации о Сталине, как же о нем судить? Я сужу о нем, полагаю — беспристрастно, по его делам, *принимая его всерьез*, не исходя из дешевого стереотипа, не считая, что он туповат, неумел и противоречив, а напротив, помня, что он талантлив, умен необычайно и, главное, что он целен и целеустремлен так, что вся его жизнь с середины 20-х гг., все существо его подчинено было идее победить в России противоестественный коммунистический бред, овладевший многими. *И он сделал это, кроваво и оступляюще, но никто тогда не имел воли сделать это менее кроваво, а те, кто владел Россией в то время, готовы были до бесконечности экспериментировать над народами во имя утопического бреда.* Были бы эти эксперименты более кровавы, чем сталинская победа над ними — не знаю, не исключаю. Но моя цель здесь — не судить, а понять, что же сделал Сталин.

* Эпитет "великий" применительно к Сталину вызывает немедленные возражения: все та же проблема совместимости гения и злодейства. Но кто же совершает великие злодейства, если не мерзкие гении?

РОЖДЕНИЕ ПЛАНА

Легче всего объяснить узурпацию власти Сталиным жаждой власти. Я не знаю его мотивов и не буду гадать, почему он возненавидел большевиков и коммунистическую идею -- я просто вижу, что эта ненависть в нем была сильна. Укажу на один из возможных мотивов, который кажется мне резонным, когда речь идет о такой целеустремленной натуре.

Молодой Сталин -- это увлекающаяся, яркая натура. Он увлекся призраком, но не заметил этого. При всем том его практическая революционная работа, пока власть была не в руках большевиков, не заставляла его сталкиваться с фактом, что большевики сами не знают, чего хотят. Тогда они хотели революции, этого хотел и Сталин, и это соответствовало его деловой и реалистической натуре. Но когда большевики захватили власть, кому же еще, если не реалисту Сталину дано было первому увидеть, что большевики на самом-то деле не знают, чего они хотят, и не знают, что они будут делать. А он верил их цветисто ученому красноречию, *он вложил в их дело свою жизнь, думая, что цель им известна*. Реалист Сталин оказался в положении, когда он должен был выполнять указания руководства партии, не знающего, что делать.*

* Г. Уэллс. "Россия во мгле": "Ленин с откровенностью, которая порой ошеломляет его последовате-

Это не могло привести ни к чему иному, как к полному к ним презрению со стороны человека, который был очень реалистичен и очень целеустремлен, человека, который если за что-то берется, то всегда знает, чего он хочет.

И это было бы только естественно, если бы в самые первые годы после революции у такого человека родилась идея узурпации власти. Но я думаю, этого не произошло. Авторитет и активность Ленина были достаточно велики. Такая идея была бы тогда фантазией. Поведение Сталина показывает большое раздражение против коллег по партии, вражду с Троцким, непочтительность к Ленину: для Сталина многое из этого было бы невыносимо, если бы он задумал узурпацию. Он еще не затаился, он еще открыт, груб, раздражен — значит, у него нет тайных планов. В мелких склоках в партии *он слишком часто проигрывает в те годы, а значит, еще не служит своей цели.*

Позднее, когда Ленин выходит из игры, Сталин пробует себя в настоящей интриге. Это еще не его личная интрига, это коллективная защита партийной верхушки против явно яркой личности — Троцкого. Уже тогда, с 1922 г., в руках у Сталина партийный аппарат, и в первой большой интриге он оценил важность этой бу-

лей, рассеял недавно последние иллюзии насчет того, что русская революция означает что-либо иное, чем вступление в эпоху непрерывных исканий. Те, кто взял на себя гигантский труд уничтожения капитализма, должны сознавать, что им придется пробовать один метод действия за другим”.

мажной власти. Никто в стране не знает его толком, он инородец, "посредственность". Но уже все картотеки шуршат в руках *его людей*, уже именно он знает больше об истинном положении в партии. Он не пишет "ученых" статей, не брызжет слюной красноречия. Он перебирает досье партийцев и оказывается сильнее. Когда Троцкий высокомерно осознал поражение, Сталин тихо и ни для кого незаметно понял, что *они*, партийные вожди, не победили бы Троцкого без его помощи.

А, значит, силен и умен именно он, а не они, цветистословые, всезнающие. К 1925 г. Троцкий был побежден, и это, я думаю, год рождения идеи сталинского самодержавия.* Кто бы отказался взять власть, видя, что он сильнее?

Но идея, что делать, озарением не приходит. Он мог еще, наверное, идти по тому же неясному пути коммунизма — другим системам его не учили, но не было этого пути, никто из все-

* Не раньше. В 1924 г. Сталин еще не был достаточно силен, чтобы рисковать всем: узнав о завещании Ленина, Сталин демонстративно подал в отставку. Однако Зиновьев и Каменев уговорили его взять обратно свое заявление. Имея цель, он вряд ли пошел бы на такое. Ведь потеря поста генсека могла означать потерю главной возможности возвышения. Позже он мог бравировать просьбой об отставке.

В 1927 г. на заседании пленума ЦК и ЦКК Сталин даже сам зачитал выдержку из завещания и "передернул", заявив: "Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю". (См. *Философская энциклопедия*, т. 3, стр. 114).

знающих не знал этого пути. Для них были лишь одни искания, кровавые эксперименты, фантазии о мировой революции. Они отступали, чтобы вновь наступать, опять не зная, с какой целью. Они готовы были делать революции где угодно, рискуя навлечь войну против своей обессиленной страны.

По-видимому, тогда, начиная с 1925 года, у Сталина созревает свой план, план построения сильной страны с прочной властью, с отказом от революционных и социалистических бредней. Мы не знаем, сколь широко тогда было его знание истории политических систем, мы не знаем, с кого он брал пример. Но по крайней мере два отрицательных примера у него было: революционная неразбериха и николаевская империя -- прочная с виду система власти с громадными прорехами, которые он хорошо изучил, будучи революционером. От первого он оставил только то, что не мог не оставить: фразеологию. От второго взял побольше: иерархическую структуру с подобием привилегированного класса -- партийной номенклатуры, имперскую идею: Великая Русь, объединившая, сплотившая, спасающая все народы прежней и будущей России. Но для создания прочной власти он должен был не оставлять в своей системе тех прорех и лазеек для бунтарей, которые оказались губительными для николаевской империи. При этом он, помнивший неудачи в Японской и Германской войнах, должен был спланировать создание сильного государства. *Путь к этому -- подчинение народа и индустриализация.*

Из этих двух пунктов его плана следовало все. Причем этого надо было достичь быстро. Мир был неспокоен в 20-х гг., можно было подозревать военную опасность, а внутри революционная неразбериха попеременно с игрушечным капитализмом с каждым днем усложняли будущую задачу подчинения.

На его пути стояли:

-- коммунистическая партия, по-своему сумбурная, но имеющая власть и уже закаленная борьбой;

-- крестьянская вольница, владевшая землей и хлебом.

У него не было большого выбора в достижении своей цели. Компартию он должен был уничтожить -- она не позволила бы ему резко отойти от целей революции. Но уничтожить ее сразу он не мог: он правил ее именем, его еще могли переизбрать! Значит, надо было затаиться, и начинать исполнение своего плана под видом исполнения плана партии. И тем еще и выиграть время, исподтишка готовить условия для уничтожения партии.

Индустриализация совпадала и с целями партии. Только он понимал, как можно провести ее быстро -- пусть халтурно, но быстро: его решение жестокое и варварское, но по-своему гениальное -- *он понял, что сытый народ не станет работать запредельно. Народ должен быть по-настоящему голоден для быстрых великих свершений* -- открытие, которое до сих пор использует его держава! Но чтобы держать голодными строителей великой индустрии, нуж-

но держать в голоде всю страну, иначе какой дурак пойдет строить: убегут в сытую деревню.

В этом, именно в этом причина кровавого разгрома деревни. Ему было наруку уничтожение активных крестьян — надо было *срезать верхушки* везде для подчинения народа. Ему была наруку коллективизация, чтобы везде покончить с отдельностью, неподконтрольностью. Но это дополнительные выгоды, главное же — сделать страну голодной, навсегда отучить крестьян давать стране изобилие, тогда каждый будет работать сверх человеческих сил.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Считают, что Сталин начал осуществлять свой план коллективизации в 1929 г. Я думаю, он начал раньше: он должен был сначала создать хлебный кризис, а затем начать лечение кровопусканием.

Кризис начался в 1927 г., когда хлеба в деревне было много, но продажа хлеба резко сократилась.* Хотя XV съезд партии принял решение добиваться увеличения хлебозаготовок экономическими методами, и Сталин сам осудил предложение сторонников Троцкого и Зиновьева применять жестокие административные меры, но сразу после окончания XV съезда "в догонку делегатам", как пишет Медведев, были посланы директивы об административном изъятии хлеба у кулаков. Оппозиционеры предлагали изъять 150 млн. пудов хлеба. Было изъято гораздо больше. Сталин говорил: "Если мы сумели собрать в январе-марте почти 300 млн. пудов, имея дело с маневренными запасами крестьянства, то за апрель-июнь нам не удалось собрать и сотни млн. пудов в виду того, что нам пришлось здесь задеть страховые запасы крестьянства, при условии, когда ви-

* Я в основном следую Р.Медведеву в изложении фактов этой главы.

ды на урожай еще не были выяснены. Ну, а хлеб все-таки надо было собрать. Отсюда повторные рецидивы чрезвычайных мер, административный произвол, нарушение революционной законности, обход дворов, незаконные обыски и т.д., ухудшившие политическое состояние страны и создавшие угрозу смычке”.*

Было совершенно очевидно, что подобные меры по изъятию зерна не поощрят колхозников увеличить сельскохозяйственное производство, а наоборот. Поощрительные меры, которые правительство принимает весной и летом 1928 года (отмена чрезвычайных мер, повышение на 15-20% закупочных цен на хлеб, увеличение поставок промтоваров в деревни и т.д.) были не более, чем симуляцией попытки нормализовать отношения и Сталин не мог не понимать, что небольшие льготы весной, после того, как хлеб отобран зимой, не могут побудить крестьян к увеличению производства. Все эти шатания от репрессий к льготам относят за счет просчетов и ошибок Сталина, но, право же, нужно считать его идиотом, чтоб подозревать в таких просчетах. Я думаю, еще раньше, до кризиса 1927 г., ход событий был предусмотрен Сталиным; ему необходимо было довести ситуацию до кризисной, чтобы оправдать грядущую резкую коллективизацию. Одновременно он эту ситуацию использует в борьбе против оппозиции. На XV съезде он изображал из себя защитника крестьянства и получил поддержку съезда в то время, как оппозиция не преуспела со своими призывами к административ-

* И. Сталин. Соч., т. 11 стр. 206.

ным мерам. Как только съезд кончился, Сталин сам перешел к административным мерам.

Естественно, что несмотря на все запоздалые льготы, летом 1928 г. крестьяне уменьшили производство зерна, и при этом не стремились продавать хлеб. Зимой 1928-1929 гг. были повторно применены чрезвычайные меры по отобранию зерна у крестьян. Той зимой в городах, даже в Москве, уже ощущался недостаток хлеба. Зимний нажим вызвал весной и летом 1929 г. новое сокращение посевов и, как говорит Медведев, самоликвидацию кулачества.*

В 1929 г. был хороший урожай, однако пришлось ввести нормирование в снабжении хлебом и другими продуктами в городах. Медведев отмечает, что "... ошибочная политика Сталина оставляла теперь еще меньше, чем в 1927-1928 гг. простора для каких-либо политических или экономических маневров" -- справедливое наблюдение, свидетельствующее, однако, о том, что политика Сталина (с его точки зрения) не была ошибочной: она именно вела к тому, чтобы было как можно меньше простора для маневров. Медведев считает, что в этой ситуации можно было либо признать свои ошибки

* Самоликвидация — это, когда зажиточные активные крестьяне перестают быть активными, чтобы не быть зажиточными, чтобы не быть главной мишенью для насильственных мер. Для власти такая самоликвидация тех, кого решено ликвидировать насильственно, могла быть, конечно, разочарованием, подобно тому, как в тюрьме не допускается самоубийство приговоренных к казни.

и пойти на уступки кулачеству, -- но это был трудный и рискованный путь, и партия не могла встать на него, -- либо другой путь -- пойти на форсирование коллективизации. Медведев соглашается, что в сложившихся в 1929 г. условиях коллективизация была правильным выбором. Как видим, всего за два года Сталин сумел создать кризисную ситуацию, в которой многим оппонентам, в том числе и Рою Медведеву, ничего не остается делать, как согласиться, что коллективизация была необходимой. Этого Сталин и добивался. (Замечу, конечно, что Рой Медведев, как и многие тогдашние оппоненты Сталина, далек от того, чтобы признать сталинские методы коллективизации правильными.)

К осени 1929 г. в стране было создано около 70 тыс. колхозов, объединявших 7,6% всех крестьянских хозяйств. Осенью 1929 г. Сталин выдвинул лозунг о сплошной коллективизации. 5 января 1930 г. ЦК принял постановление "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству". Говорилось о необходимости завершения коллективизации в основных зерновых районах к осени 1930 г. или весне 1931 г. (а в большинстве остальных районов -- на год позже). Все газеты в январе и феврале 1930 г. требовали сломить сопротивление оппортунистов и быстрее провести коллективизацию. Были приняты меры по экономической помощи коллективизации. "Однако, все эти дополнительные к плану мероприятия все же были рассчитаны на проведение коллективизации в один-два года, а не в один-

два месяца". Медведев и отмечает, что это резко противоречило установке марксизма на то, чтобы пролетарское государство осуществило такие меры, "которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной так, чтобы крестьянин сам пришел к этому хозяйственным путем..."*

То же самое говорил Ленин, что было закреплено на VIII съезде партии: "Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике".

Когда обстановка была доведена до накала, в марте 1930 г. Сталин опубликовал статью "Головокружение от успехов", в которой свалил всю вину за "перегибы" в коллективизации на местные органы, -- блестящий трюк свехосторожного интригана. Сталин применяет репрессии к "левым загибщикам". Статья и последующее постановление ЦК привели к оттоку крестьян из колхозов. Будущее сталинское стадо приняло "всерьез и надолго" заявление об ошибках "местной администрации".

Когда критикуют коллективизацию, все зверства относят на счет сталинской администрации -- это во многом справедливо. Но все же не надо забывать о местной инициативе -- это был пир для черни: власть разрешила грабить зажиточных крестьян, в одиночку партийные посыльные не смогли бы провести раскулачива-

* Маркс, Энгельс. Сочинения, 2-е издание, т. 18 стр.612.

ние. Десять лет назад чернь грабила усадьбы помещиков — на это нынче возмущения хватит не у многих. Впрочем, есть разница: добро помещиков растаскивали и сжигали, крестьянское (кулачье, как говорили) добро отдавали в колхоз:

”К маю 1930 г. у половины колхозов кулацкое имущество составляло 34% неделимых фондов этих колхозов”.*

История того, как это делали, — не написана еще. Во многих областях крестьяне сопротивлялись и были подавлены армией.

Крестьянство было побеждено уже в 1930 г. Оставалось кое-что доделать: вернуть в колхоз или отправить в Сибирь тех, кто поверил в ”Головокружение от успехов”. Но Дресировщику нужны не столько колхозы, сколько согласие народа голодать — надо было сделать так, чтобы голод будущих десятилетий казался нормальной жизнью. И он организует настоящий смертельный голод на громадной территории Украины и юга России — уж если говорят о *кажущихся ошибках* Сталина, почему не зачтут ему как *ошибку*, в выполнении его плана, что голод был лишь в части России? Уж наверное он старался воспитать всех, но сразу не получилось.

Возможно, кто-нибудь из современников понял, что это дело Сталина, но большинство было достаточно наивно, чтобы увидеть, кто создал голод и кому нужен этот голод. Хотя все в пар-

* ”Советское крестьянство”, М., 1907, стр. 237.

тии знали о голоде, даже на заседании политбюро Сталин просто отказался признать факт голода. Когда украинский секретарь ЦК просил помощи для Харьковской области в связи с голодом, Сталин ответил: "Нам говорили, что вы, товарищ Терехов, хороший оратор. Оказывается, вы — хороший рассказчик. Сочинили такую сказку о голоде, думали нас запугать. Но не выйдет. Не лучше ли вам оставить посты секретаря обкома и ЦК КПУ и пойти в Союз писателей: будете сказки писать, а дураки будут читать".*

Медведев сообщает, что до 1956 г. в открытой печати было запрещено упоминать о голоде 1932-1933 гг., а в 30-е годы за слова "голод на юге" многих людей арестовывали как за контрреволюционную агитацию.

По данным этого автора, не менее 3-4 млн. человек умерло от голода. При этом Сталин продолжал экспорт хлеба в Европу: в 1928 г. вывезено менее 1 млн. центнеров зерна, в 1929 — 13 млн. центнеров, в 1931 — 51,8 млн. центнеров, в 1932 — 18,1 млн. центнеров. Даже в 1933 г. в Западную Европу было вывезено 10 млн. центнеров зерна.**

* Цитирую по Р. Медведеву, стр. 213.

** Р. Медведев, стр. 217.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

С 1929 года страна была достаточно голодна, чтобы приступить к великим свершениям. Бежать из полуголодного города было некуда — деревня осталась без хлеба. Наоборот, бежали из деревни на великие стройки.

Объявили нереальный пятилетний план. Разгремели его величие, но и того мало: Сталин неожиданно потребовал завесить планы вдвое. Робкие хозяйственники проголосовали "за". Всем было ясно, что это невыполнимо, но приняли. Теперь говорят: завышение планов было ошибкой Сталина. Напротив, это был гениальный ход. Мало того, в 1933 г. он объявил этот завышенный план выполненным досрочно! Ему нужна была победа, и он объявил о ней. Поверили или заставил поверить. Чем был блестящ сталинский сверхзавышенный план?

Он приводил к активности и перенапряжению исполнителей. В слаборазвитой сонной стране разумный план все равно бы не исполнялся. Взвинтив плановые требования на 100, 200, 300%, можно было добиться исполнения хотя бы того, что без этого взвинчивания было бы запланировано разумно. Добавив к этому истеричный энтузиазм, можно было добиться даже некоторого перевыполнения разумного плана. Не было времени делать все как следует, было уже хорошо, если что-то делалось

наспех, пусть и с необходимостью бесконечных поправок и ремонтов в будущем. Опытные консервативные хозяйственники не могли понять иррациональности победоносного шествия. Сам факт сделанного, пусть даже сделанного наспех и не как следует, придавал исполнителям больше веры в себя и большую уверенность в своих возможностях.

Такова экономическая польза нереалистичного планирования. Но была и политическая: потребовать от людей выполнения плана, завышенного в несколько раз во что бы то ни стало под страхом наказания, это значит -- заставить их лгать в отчетах. Я уверен, что Сталин прекрасно понимал это. Такая ложь имеет двойную пользу: ее всегда можно разоблачить (а ведь у руководства промышленностью были именно те люди, которых предстояло уничтожить как настоящих коммунистов), следовательно, было очень выгодно заранее заполучить обвинительный материал против них (и не только обвинительный материал с точки зрения карательных органов -- они могли бы действовать и без такового -- но и обвинительный материал с точки зрения публики и даже самих виновников обмана). Кроме того, заставив ответственных лиц лгать в отчетах, Сталин добивался круговой поруки лжи: люди оберегали собственную ложь от разоблачения и привлекали ко лжи других. Ясно, если на местах организаторы отчитались о перевыполнении плана в то время, как план был выполнен только наполовину, они не будут выражать недовольства и возражать,

если в центральных газетах прочтут общую отчетность о перевыполнении плана. Всеобщая ложь подчинила людей его власти гораздо сильнее, чем любой революционный трезвон. Заставив всех поголовно лгать, легко добиться, чтобы вскоре все поняли, что за высказывание правды последует наказание.

Сохранение марксистской фразеологии при полном отходе от марксизма *требовало атмосферы лжи.*

Ложь в отчетности немедленно приняла характер всенародной эпидемии, иначе и быть не могло, и сделалась прочным элементом советской жизни. Революционная попытка Хрущева изменить ситуацию посредством введения уголовного наказания за приписки в отчетности вряд ли привела к серьезным результатам сама по себе. Традиция лживой отчетности будет существовать до тех пор, пока государство лжет о своих успехах. Разумеется, более разумное планирование в нынешнюю эпоху уменьшает масштабы лживой отчетности. Но мало вероятно, чтобы в этике хозяйственников попытка обмануть начальство стала считаться предосудительной, разве что правительство само перестало бы обманывать народ.

Как видим, то, что называют ошибками Сталина в планировании, на самом деле было частью решения комплексной проблемы: с одной стороны попыткой подхлестнуть индустриализацию, с другой стороны это давало повод для начала репрессий против хозяйственников, которые сами по себе Сталину, по-видимому, были не

нужны, но позволили начать создание атмосферы репрессий, позволили начать создавать тот кровавый фон, на котором он планировал уничтожить партию. Одновременно широко разрекламированная кампания борьбы с вредительством помогала пропаганде объяснять "отдельные неудачи на местах". Действительно, рабочие и служащие слышали по радио о невероятных успехах Советского Союза в целом, но вокруг себя видели неудачи и запустение: версия вредительства была весьма и весьма полезна для того, чтобы они не задавали себе более глубоких вопросов.

РЕПРЕССИИ

Изучая сталинские репрессии, можем видеть, что здесь Сталин не завышал планов, не стремился их перевыполнить. Имея перед собой задачу уничтожить революционную заразу в стране и, главное, коммунистическую партию, он действовал предельно осторожно.

Уничтожение компартии было спланировано заранее, я думаю, еще тогда, когда он играл в борьбу с оппозицией.* Я думаю, уже тогда Сталин понял, что *только на кровавом фоне он сможет уничтожить ленинскую партию.*

Что значило создать кровавый фон для уничтожения коммунистической партии? Сталин мог позволить себе последовательно давать репрессивные указания в отношении каких-то групп населения так, чтобы вместе с этой репрессированной группой убрать часть коммунистических руководителей. Расчет, подкрепленный звучной пропагандой и подобиями доказательств вины этой группы, должен был быть очень точным.

Считают, что органы безопасности с конца 20-х годов были полностью под его влиянием. Да, но только потому, что он умело их исполь-

*

Сталин эти оппозиции во многом организовывал сам, меняя свои взгляды и генеральную линию партии с тем, чтобы кто-то оказался в оппозиции, чтобы от кого-то избавиться в будущем.

зовал. Он должен был постоянно следить за тем, чтобы его репрессивные указания не порождали подозрений о его истинной цели. Даже в 1937-1938 гг., когда он почувствовал себя более уверенно, он не мог дать прямого указания об уничтожении руководящего ядра коммунистической партии. Он должен был делать это под видом уничтожения остатков оппозиций и вредителей. Органы безопасности исправно следовали его указаниям, но не надо думать, что там сидели идиоты: если бы подозрения в том, что Сталин готовится уничтожить всю ленинскую партию, да к тому же и сами эти органы, были бы достаточно сильны, Сталин не смог бы контролировать ситуацию. Во всяком случае он не мог позволить себе роскоши считать их идиотами и вообще, по-видимому, из осторожности переоценивал умственные способности своих подчиненных и своих оппонентов и их способность сопротивляться.

И он спланировал репрессии последовательно в отношении многих групп населения. Был важен выбор таких групп, к которым в будущем было бы легко подключить коммунистов, — репрессии против "чуждых классов", — кулаков, частных предпринимателей, дворянства и т.п. спланированы были самой революцией, тут не требовалось ни тонкости, ни пропаганды.

Проводится несколько репетиций (1929-1931 гг.): дело вредителей в промышленности (промпартия), дело вредителей в снабжении, дело буржуазных националистов на Ук-

раине ("Союз вызволения Украины"), дело союзного бюро меньшевиков. Успех превзошел все ожидания. На каждый "недостаток" в хозяйстве и политике Сталин дал толпе свой тип вредителя, за каждым таким вредителем — своя социальная группа, которую можно ненавидеть, к каждой такой социальной группе можно пристегнуть часть коммунистов. Много в этих репетициях делается открыто напоказ: чего бояться — дерзкие враги сами признаются. Стадо ликует, жажда зрелищ удовлетворена судебными историями в газетах.

Думал ли Сталин, что публикуемые материалы этих шитых белыми нитками обвинений будут когда-то критически изучаться потомками? Если и думал, то усмехался в ус: потомков он не боялся, он воспитывал их загодя, но, к счастью, не вполне преуспел. Доказывать тут нечего — обвинения с начала до конца откровенно бредовые и публикация их рассчитана вовсе не на то, чтобы убедить публику, а на то, чтобы проверить публику, спровоцировать отдельных умников на критику. Провокация оказалась неудачной: этому юридическому хулиганству просто верили. Идиотское обвинение и судоговорение по делу Промпартии воспринято было всерьез. Даже за границей! Президент Франции Пуанкаре опубликовал заявление с опровержением показаний о его встрече с заговорщиками. Неважно, что опровержение: раз опровергают, значит, принимают всерьез! Со временем обвинения и признания обвиняемых становились все более чудовищными, но

все принималось всерьез, даже за границей. Великая загадка беспокоила умы: почему подсудимые сознаются не только в вещах правдоподобных, но и в невероятных.* Опубликованная Кестлером книга "Мрак в полдень" как будто приоткрыла завесу над разгадкой этой психологической тайны: верные партии большевики даже перед смертью соглашались служить своей партии. Не верю я этому: людей просто били и угрожали расправой с семьей. Или они без битья и без угроз знали, что с ними будет. Если и бывал на следствии разговор о служении партии, то скорее как почетный путь отступления перед битьем. Это не довод, что многие из них 20 лет назад были стойкими революционерами и шли в Сибирь, не изменяя своим взглядам. Одно дело романтическая Сибирь в царское время, и совсем другое — застенки ГПУ. Одно дело — юность, другое — когда человеку 50 лет. Одно дело — революционная стойкость, другое — благодушие, приобретенное за 20 лет чиновничьей жизни. К тому же не понимали, что открыто судят избранных, тех, кто проверен, и явно будет давать показания.**

* Однако, не могли представить себе за границей, что Сталин завоевывает страну практически без сопротивления. Отсюда легенды о заговорах, отсюда вера в то, что чудовищные обвинения на процессах на чем-то основаны.

** Вспомнить хотя бы Крестинского, который, попав в число таких проверенных, чуть было не испортил сталинское судебное торжество.

Столичные репетиции были повторены в провинциальных городах. Теперь каждый уже мог показывать пальцем на вредителей, националистов и т.п. Кровавый фон густел, и скоро уж на этом фоне можно будет резать тех самых победоносных *красных*, которые пытались перевернуть мир.

Как и в любом плане на много лет, было и непредвиденное. Кто ж мог знать, что его же подмастерье Киров станет слишком популярным, так что придется убирать его отдельной акцией, кто ж мог знать, что для такой акции подвернется удобный исполнитель? Но уж если что-то нарушило сталинский план, то должно быть использовано сполна — убийство Кирова явно ускорило выполнение первоначального сталинского плана, ускорило перенесение репрессий на партию.

Так или иначе, к 1937 году фон был достаточно густ и удар достаточно силен и успешен. Партийцы все как на подбор, встречаясь в камере, шептались: в стране произошел фашистский или монархический переворот, потому сажают коммунистов, — да и то лишь самые догадливые так говорили. Остальные по вбитому Сталиным уголовному рефлексу искали всего лишь вредителей в ГПУ! Это ли не признание сталинского мастерства?! Он начал свой переворот в 1925 г., догадливые заметили в 1937-м. А прочие перед расстрелом кричали: "Да здравствует Сталин!", везучие годами молились на него в лагерях.

Не странно ли предположение о кровавом фоне, о необходимости уничтожать сотни тысяч, арестовывать миллионы, чтобы одолеть сотню-другую тысяч коммунистов?

Чудовищный план? Конечно. Но, как видим, вполне практичный план. Напомню, что по мнению современников, в том числе Хрущева, уже после войны Сталин организовал Мегрельское дело с исключительной целью на фоне этого дела убрать Берию. Если ради одного сильного врага Сталин уничтожал тысячи, то ради целой могущественной партии он репрессировал миллионы.

Сколь бы ни был такой подход зверским, он был единственным. Не на фоне массовых репрессий Сталину не удалось бы уничтожить коммунистическую партию даже при всем том авторитете, который он уже завоевал в партии, даже при всей той силе, которую он уже сосредоточил в своих руках.

1937-1938 гг. не решили проблему. Это был лишь первый удар по коммунистам. Готовились следующие, чтобы, сохраняя формально структуру партии, убрать из нее коммунистов, не старых большевиков, а всех коммунистов, пусть и молодых, но усвоивших всерьез заразное учение, не понявших, что это уже прошло, что теперь цели совсем другие, что теперь это — партия сталинцев, строящих мощную империю с прочной властью. Таких сталинцев становилось все больше в партии, тех, кто чутьем понимал, что времена переменялись, что надо молиться не на бороды, а на усы. Так Сталин создавал свою

партию, так он учил ее: не объясняя, а уничтожая непонятливых. А еще говорят про то время: "Дурак в ход пошел".* И действительно, с интеллигентской точки зрения сталинская партия поглупее прежних коммунистов. Но что же считать умом, как не способность вовремя понять и выжить (о порядочности я здесь не говорю: скоты и те, и другие).

Что планировал Сталин дальше? Несомненно, дальнейшее очищение партии от коммунистов. Его тезис об усилении классовой борьбы по мере развития социализма был справедлив, хотя не было ни социализма, ни классовой борьбы: этим тезисом он выразил тот несомненный факт, что по мере построения *его общества* удивление всех зараженных коммунизмом будет расти, а за удивление тогда расстреливали. Его план был -- уничтожить всех, кто всерьез не забыл, что когда-то начали строить совсем другое общество. Война прервала осуществление плана, но и помогла: как и всегда, в войну погибает большой процент ярких, смелых, несмирившихся и среди них -- помнящих.

Тем не менее чистка общества и партии продолжалась и после войны. Последний этап плана, о котором еще можно судить: намерение

* А ведь именно эти постаревшие сталинцы, ставшие опытными профессионалами, правят теперь Россией, и их тоже несправедливо считают *глупыми*.

вновь обновить руководство.* И тут Сталина постигла неудача: слишком долго они были с ним, слишком хорошо его начали понимать. В былые времена Берия бы и оглянуться не успел, как был бы пришит к Мегрельскому делу, а тут успел, как говорит Хрущев, подключиться к этому делу уже в качестве сталинского ножа. Маленков уже услан был в Казахстан, уж Кузнецов и Вознесенский вроде приближены были, но сорвалось: полетели головы новичков, а Маленков вернулся. Последняя провокация -- против Кагановича, как часть кампании против заграничных влияний: создать еврейский кровавый фон для него персонально. Тут уж "иль русский Бог", или политбюро вмешалось -- умер.

* Хрущев сообщает, что к XIX съезду Сталин предложил обновленный и расширенный состав политбюро, причем Хрущев уверен, что Сталин не мог сам составить этот список, т.к. Сталин "не знал" этих людей. По-моему, наивно. (Н. Хрущев, Воспоминания, т. 1, стр. 103).

ИМПЕРСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Он победил коммунистическую партию, победил революционную заразу, повел страну по своему пути, по пути укрепления сильной империи. У него не было выбора: он вынужден был сохранить коммунистическую фразеологию — он не мог открыто проповедовать свою собственную идеологию. До 1937 г., пока не был нанесен основной сокрушительный удар по коммунистам, отказаться от их идеологии открыто означало гибель. Но пока готовился удар 1937 года, идеология коммунистов прочно стала идеологией государственной. Конечно, всерьез сведущи в идеологии были немногие, и их легко было уничтожить. Но отзвуки ее усвоили миллионы, их два десятилетия убеждали, что они строят новое великое общество. И хотя коммунисты после 1937 года были уже мало опасны Сталину, громогласно отказаться от этой мишуры Сталин не мог, но, наверное, и не слишком огорчился: *он не мстил терминам*. Если народ привык к определенной фразеологии лозунгов — будем либеральны, оставим ему эту жвачку, но начиним другим содержанием — это был выбор практика и выбор удачный во многих отношениях.

Этот выбор не прерывал кажущейся идеологической преемственности власти Сталина, что по-прежнему было важно для инородца во главе

России. Ненавистного Ленина пришлось оставить богом — дальновидный ход — сохранить его мощи — был сделан загодя. Практик Сталин подавил гордыню — согласился быть лишь преемником, продолжателем этого бога. Москва стоит обедни, пусть молятся мощам, но слушаются Сталина и идут его путем. Фальсифицировать историю было нетрудно — Сталин стал ближайшим другом, соратником этого бога.

Сохранение презренной фразеологии оказалось сверхудобным в имперских замыслах. Надо платить валютой, чтобы заставить кого-то в далекой Азии или Южной Америке работать на Великую Россию. Марксова терминология давала таких работников бесплатно: люди готовы сложить головы за коммунистическую мечту, не зная, что умирают за неведомую Россию.

Но чтобы фразеология служила своей цели, нужно следить, чтобы люди не совались слишком глубоко в источник этой фразеологии, нужно контролировать их. Так занятия политграмотой, кружки и курсы марксизма стали оперативным органом проверки людей. Умные понимали: усваивай только фразеологию и употребляй ее как приказано. Глупые задавали вопросы: сколько их, глупых, попало в Сибирь за это или просто не смогло продвинуться.

Но народ попался уж больно вопрошающий — негуманно учить народ чему-то совсем противоположному действительности. Негуманно учить одному, а заставлять делать другое: никакая диалектическая логика здесь не поможет. Сталин и не планировал до конца быть негуманным. Он

эту идеологию задумал запретить, оставив лишь *свой марксизм*, который по примитивизму своему должен был быть меньшим соблазном для мудрствующих: кто же будет придирается к таким бессмертным истинам, как, например, Грамматика — правила изменения слов?

Он начал эту работу, написав "Марксизм и вопросы языкознания" и "Экономические проблемы в СССР".* Я уверен, что он планировал написать еще несколько лубочных картинок для замены марксизма и потом постепенно запретить широкое хождение книг Маркса, Энгельса, Ленина: и так уже многое не переиздавалось. Вместе с доброй чисткой это почти совсем излечило бы страну от коммунизма. Но не только оставить эту фразеологию хотел он. Надо было начинить ее другим содержанием, надо было соединить эту фразеологию с имперской идеей. И он делал это.

Еще в 20-х годах он открыто отказался от идеи мировой революции. А это не просто практический ход: давайте строить свое хозяйство и не тратить силы на фантом. Это ход идеологический: в замену пролетарской солидарности был возрожден имперский патриотизм, умело соединенный в рамках фразеологии с ненавистью к заграничной буржуазии. Клевета о безысходной нищете рабочих в западных странах помога-

* Его первый шаг в сторону примитивизации марксизма "Вопросы ленинизма" — не в счет, он еще писал это для коммунистической страны и не мог зайти слишком далеко.

ла не только развивать в людях эту ненависть, но заставить их охладеть к идее солидарности с западными рабочими: они-де слишком задавлены, слишком рабы и выглядят несопротивляющимися недоумками -- какая уж там солидарность с отсталыми, мы далеко впереди. Кто, даже из коммунистов, мог всерьез возражать против патриотизма, когда это подносилось вначале как вроде бы "классовый патриотизм"... Но за возрождением патриотизма шла вся нормальная и потому близкая людям национальная идеология с понятием Родины, со служением Родине, с Родиной превыше всего. Говорят,* Сталин всю жизнь до 1940 года мстил Троцкому — нет, он его мог только благодарить: возможность связать оппозицию в партии с Троцким, а следовательно с *заграницей* была удачей для него не только в подавлении коммунистов, но и в пропаганде имперской идеологии: чтоб знали, что там везде все враги. Так и усвоили.

Патриотизм — огромный скачок от наднационального коммунизма. С коммунистической точки зрения обращение к патриотизму даже во время войны — еретично. Вот что пишет И. Данишевский** о речи Сталина 7 ноября 1941 года:

"Чего ждал от этого выступления весь мир?" — "Ждали, что звериному национализму немецко-фашистских разбойников будет противопостав-

* Шапиро. "Коммунистическая партия Советского Союза".

** Политический дневник, т. 1 стр. 63. Изд. Фонда им. Герцена.

лено развернутое знамя революционного пролетарского интернационализма, боевые традиции революционной борьбы и в нашей стране, и в самой Германии и ее поработанных сателитах. Ждали призыва ко всем угнетенным массам. Коммунисты и примыкавшие к ним во всем мире, ждали обращения к традиции Великого Октября и героических лет гражданской войны и иностранной военной интервенции; ждали, что вождь и руководитель первого в мире государства победившего социализма обратится к великим именам Маркса, Энгельса, Ленина, к именам деятелей революции, самоотверженных борцов за народное дело. Но... произошло нечто иное. Имя Ленина было упомянуто мельком. Главное же было в нафталине истории России по архиреакционному царскому историку Иловайскому... была извлечена плеяда "наших предков", достаточно респектабельных, чтобы быть противопоставленными "предкам" Гитлера." И далее: "... Одним таким выступлением, одним своим призывом "вдохновиться мужественным обликом" царских сатрапов перед всем миром было продемонстрировано стремление повернуть ход борьбы с классовых позиций на почву националистическую".

Данишевский далее пишет о том, кто же эти великие предки. В частности, Александр Суворов: крупный царский полководец — рабовладелец. С моей точки зрения, это большой символизм, что Сталин не только упомянул Суворова в своем выступлении, но и впоследствии

вознес имя Суворова очень высоко в разрешенной советской исторической науке. Вот что пишет Данишевский о Суворове:

”Суворов — по царскому приказу — отдавал свой военный талант на кровавое усмирение восставшей Польши. Он вел русские полки против армий французской революции. Он принял для доставки в Москву на лютую казнь закованного в цепи, запертого в железную клетку мятежного вождя крестьянского восстания Емельяна Пугачева”.

Сомнительно, чтобы Сталин не знал о подобных заслугах тех, кого он объявлял своими предшественниками. Напротив, символично и лестно, я полагаю, было для Сталина иметь именно такого предшественника, именно подавителя революции и восстаний, а не Емельяна Пугачева, который, в известной мере, мог бы считаться предшественником революционеров. И Данишевский со своей марксистской коммунистической позиции вполне обоснованно замечает:

”А почему бы нам не остановить свой выбор на его современнике, на таком его социальном антиподе, как Емельян Пугачев?”

Данишевский прав: речь Сталина — демонстрация отхода от коммунистической идеологии и проповедь имперской идеи, имперских символов. Многие считают, что это лишь тактический ход, что за коммунизм люди бы не стали

сражаться. Нет, россияне сражались за свою страну и сражались бы под любым лозунгом.* Для Сталина эта речь — не тактический ход, она — этап стратегического плана — заменить коммунистическую идею имперской. Он показал это постепенным насаждением патриотизма, он показал это самым устройством империи с иерархией наций. Он показал это еще раньше, когда вопреки Ленину настаивал на создании России с автономными национальными республиками вместо сохранения фикции суверенитета. Он, раздраженный на большевиков и еще не затаившийся для захвата власти еще в 1920 г. телеграфировал на Украину:

”Достаточно играть в правительство и республику. Кажется, хватит. Пора бросать игру”.

Тогда же он продемонстрировал свои великорусские наклонности в истории с подчинением Грузии. Ленин заметил это раньше всех — и впустую: выводов никто не сделал. ”Тот грузин, который пренебрежительно швыряется обвинением в ”социал-национализме” (тогда как он сам является настоящим и истинным не только ”социал-националистом”, но и грубым великорусским держимордой), тот грузин в сущности нарушает интересы пролетарской классовой солидарности... Политически от-

* Это теперь перебежчики и те, кто не успел перебежать, хотят убедить нас, что русский народ, отступая, ”голосовал ногами” против власти, не хотел воевать за Россию, саму по себе, независимо от власти.

ветственными за всю эту поистине великорусскую националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского”.*

А разве он не подтвердил впоследствии, что его речь 3 июля -- не тактический ход? Прославление респектабельных предков продолжается и после войны. Вопреки всем "классовым" принципам Петр I и особенно Иоанн IV почитаются всячески с небольшой уступкой фразеологии: они не просто великие *наши* цари, а еще и прогрессивные.

Но наиболее яркая демонстрация идейного отхода от коммунизма -- кампания против космополитов. Думали, это кампания против евреев -- нет, евреи попали заодно. Это воистину кампания против коммунизма, ибо коммунизм по сути своей космополитичен, коммунизму не нужны предки, он сам *без роду, без племени*. То, что досталось евреям, -- лишь свидетельство того, как комплексно Сталин решал проблемы:

* Ленин, Собрание сочинений, т. 45, стр. 356-360. "Красный патриотизм" проявляется тогда не у одного Сталина. См. подробный обзор М. Агурского "Идеология национал-большевизма", УМКА-PRESS. Тут следует, однако, помнить, что великодержавие большевиков могло иметь причиной стремление шире распространить коммунистический строй -- это не то же, что имперские устремления Сталина.

— Выгодно использовать антисемитизм против основной коммунистической догмы — космополитизма, антинационализма;

— Выгодно запугать национальность, имеющую с 1948 г. ” буржуазную государственность”;

— И, что, я думаю, дало повод тронуть евреев, выгодно низвергнуть Кагановича на этом фоне, оторвать его от союзников в Политбюро.

И, конечно, преследование космополитизма затыкало рты воякам, чтобы не рассказывали байки, что повидали в войну на Западе.

Кампания против космополитизма усилила культурную изоляцию России, но в рамках сталинского имперского плана в то время это был разумный ход. Так же как в 30-х годах идея держать страну в голоде обеспечила Сталину быструю индустриализацию, так после войны, когда солдаты убедились в отсталости России по сравнению с Европой, запрет глядеть в сторону Запада обеспечивал концентрацию сил. Сталин как бы говорил своей стране: да, вы в говне, по сравнению с Европой, но знание это расслабит вас, между тем вас ждет величие, если найдете в себе силы добиться его.

Разве не то же самое делают теперь пропагандисты русского национализма, верящие в божественную миссию русского народа? Их пропаганда — грубо антизападна, они иногда повторяют басни советских газет о гнилом развратном Западе. Цель та же: уменьшить соблазн перед чужим путем, не помешать концентрации сил, не вызвать расслабления от сознания отсталости.

Имперская идея не признает ассимиляции. Есть иерархия наций: нации должны быть отдельны. Тезис -- обратный коммунистическому, там проповедуется постепенное слияние наций. Ни в чем не заметим в делах Сталина содействия слиянию наций: даже в паспорте указывалась национальность, чтобы не смешались, не примазались к великому главенствующему русскому народу, всяк помни свое место. Кроме *великой* были нации в фаворе -- республиканские: развитие республиканского национализма поощрялось, на дискриминацию меньшинств в республиках внимания не обращали. Были нации -- парии, были даже нации -- зеки. Это ли путь к слиянию!

Вполне вероятно, что Сталин собирался переписать или, скорее, разъяснить свой юношеский "Марксизм и национальный вопрос", чтобы согласовать его с имперской идеей.* В "Марксизме и вопросах языкознания" он уже протащил одну ересь о национальном вопросе: язык не надстройка над базисом. Важность этой ереси в утверждении отдельности наций как чего-то первичного, не зависящего от экономических отношений, т.е. над тем, что марксизм считает главным, Сталин поставил нечто более главное и первичное -- нацию с ее языком и национальным характером.

* В разговоре с Джиласом он заметил об этой книге: "Это точка зрения Ильича, Ильич книгу и редактировал." (М. Джилас, "Разговоры со Сталиным").

БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНЫМ КОММУНИЗМОМ

Югославский коммунистический деятель пишет:

”В связи с тем, что Москва часто в самые решительные моменты отказывалась от поддержки китайской, испанской, а во многом и югославской революции, не без основания преобладало мнение, что Сталин был вообще против революции. Между тем это не совсем верно. Он был против революции лишь в той мере, в какой она выходила за пределы интересов советского государства. Он инстинктивно ощущал, что создание революционных центров вне Москвы может поставить под угрозу его монопольное положение в мировом коммунизме — что и произошло на самом деле. Поэтому он революции поддерживал только до определенного момента, до тех пор, пока он мог их контролировать — всегда готовый бросить их на произвол судьбы, если они ускользали из его рук. Я считаю, что в политике советского правительства и сегодня в этом отношении не произошло заметных перемен.”*

Подмечено верно. Но дело не просто в контроле над деятелями революции, над будущим государством, если оно возникнет. Дело в том,

* М. Джилас. ”Разговоры со Сталиным”, стр. 124.

что Сталин, равно как и теперешние руководители, боялся истинно коммунистической революции. И он, и они готовы провоцировать и поддерживать подрывную работу любой группы, которая, пользуясь коммунистической фразеологией, захватит власть и установит национальную диктатуру — риск небольшой, даже если они выйдут когда-нибудь из-под контроля Москвы. Но страшно другое. Страшно, что эта революционная группа может всерьез воспринять идеологию коммунизма и будет пытаться осуществлять более или менее ортодоксальный марксистский социализм: это будет демонстрация всему миру и подвластным СССР народам, что у внутреннего строя СССР ничего общего с социализмом нет. Бешенство Сталина из-за непослушания Тито объясняется именно этим страхом. Главной причиной интервенции его наследников в Чехословакию в 1968 г. был именно страх перед тем, что Пражская весна приведет к подобию социализма. Широко известные действия Сталина, нанесшие смертельные удары коммунистическому движению в Европе, служили именно цели подавить эту опасность, т.к. в Европе — старая марксистская традиция, и если бы марксистский социализм существовал в какой-либо европейской стране, сталинский трюк с тем, что он подсунул России конституционную деспотию вместо социализма, был бы обнаружен. Между тем в Азии, Африке, Латинской Америке, где не было марксистской традиции, где нет широкого культурного слоя, сочувствующего теории коммунизма, революции

не опасны для СССР — напротив, они служат его имперским задачам, расширению его влияния. Там усвоили тот "коммунизм", который осуществлен в СССР, там добиваются установления национальной диктатуры с коммунистическими лозунгами и не копаются в марксизме, за исключением, быть может, Китая. Провидец, как мог, препятствовал китайской революции.

Интересно, что после всех враждебных европейским компартиям действий* Сталин, по-видимому, решил, что вполне воспитал еврокоммунистов в духе своей имперской идеологии, решил, что он им уже отбил память о марксизме, о наднациональной сущности коммунизма. Выступая на XIX съезде, Сталин продемонстрировал эту уверенность:

"Раньше буржуазия считалась главой нации, отстаивала права и независимость нации, ставя их "превыше всего". Теперь не осталось и следа от "национального принципа"... Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации".

* Включая выдачу в руки гестапо коммунистов, нашедших политическое убежище в СССР.

За что раньше коммунисты поносили буржуазию, за потерю этого Сталин теперь поносил ее. Конечно, Сталин изрядно оскопил европейские компартии, но в основном они нашли в себе силы возродиться в прежнем цвете — в их идеологии марксизм не заменен фразеологией. И потому они — грозная опасность Советскому Союзу; они осторожно показывают, а могут показать и более явно, насколько далеко СССР ушел от марксистского социализма.

* * *

Я не первый пишу о полном отходе Сталина от коммунизма. Многие понимали все это о Сталине еще в 30-х гг. Федотов писал:

”...Происходящая в России ликвидация коммунизма окутана защитным покровом лжи. Марксистская символика революции еще не упразднена, и это мешает правильно видеть факты.”

”...Сталин и есть ”красный царь”, каким не был Ленин. Его режим вполне заслуживает название монархии, хотя бы эта монархия не была наследственной и не нашла еще себе подходящего титула”. (”Сталиноκραтия”).

Много обвинений Сталина в отходе от коммунизма и у коммунистических писателей, в первую очередь у тех, кто в СССР умудрился остаться настоящим, а не официальным марксистом -- но кто станет всерьез слушать побежденных?..*

* См. ценный анализ, проведенный живущим в СССР марксистом Зиминим (псевдоним) ”Социализм или неостаелинизм”, Chalidze-Publications, (в печати).

К тому же и коммунистам, и антикоммунистам *выгодно* признавать Сталина, несмотря на "ошибки", все же коммунистом.

Первым — ибо СССР сильнейшая страна, развившая свою индустрию и военный потенциал, пожалуй, быстрее, чем могла бы развить при любом другом строе. Это — успех, и этот успех выгодно приписывать коммунизму, верности марксистской теории.

Вторым — потому, что зверства Сталина и теперешний гнет в СССР выгодно приписать коммунизму, сказать: так будет всегда при коммунизме. А ведь это ошибка: при правильном построении марксистского социализма и коммунизма будет хуже. Сталинские зверства обеспечили лишь уничтожение революционной марксистской заразы и создание атмосферы общего страха в стране. *Сталин оскоплял общество, запугивал, но не переделывал людей.* Его империя, его власть покоится на знании человека, как он есть, и на использовании природной биосоциальной сущности человека.*

Марксистские же мечты о коммунизме предусматривают, требуют переделки человеческой природы, это общество не тех людей, к которым мы привыкли — природно неравных, соревнующихся, это общество насильно переделанных вопреки природе *равных людей*, это общество с попыткой доведения древней мечты рабов

* Но не следует забывать, что он переделал общество, уничтожив активнейших.

о равенстве с господами до неосуществимого предела.

Попытки построить такое общество потребуют несравненно больших жертв, чем принесли своим имперским идеям Сталин и Гитлер. Люди самоуверенны в своем опыте. Теперь кажется, что мы пережили такое, ужаснее чего быть не может. Но -- может! И человечество убедится в этом, если когда-нибудь заболит коммунизмом всерьез.

ОБ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

Испокон веков социальная структура человеческого общества была иерархической. Первоначально это была иерархия по физической силе, способности дать отпор. Это был единственный признак иерархической структуры, и в этом смысле я называю эту структуру *единой*.

По мере разделения занятий, по мере развития ремесел и искусств появлялись новые иерархические признаки, но лишь для иерархического различия внутри слоев -- иерархия общества продолжала быть единой. Со временем верхи иерархии начали принимать меры к стабилизации иерархии -- всегда есть опасность, что сильный ослабеет, ранее слабый займет его место: иерархическое соперничество -- в природе человека. Появляются такие методы стабилизации иерархии, как табу, связанные с личностью вождя, привилегии вождя и его приближенных (а наличие привилегий не только приятно -- оно облегчает успех в возможном иерархическом соперничестве). Позднее стабилизация заходила дальше -- человек уже от рождения знает свое место, он рожден в определенной касте или определенном сословии и, за исключением редких, чрезвычайных случаев, не может подняться выше. И такая стабилизация усиливается с развитием общества: в праве многих

стран видим меры по иерархической стабилизации. У каждого в памяти масса примеров таких государственных стабилизированных иерархией -- не буду отвлекаться на описание их.

Еще в XVII веке в развитых европейских странах наблюдаем статичную (стабилизированную государством) иерархию: монарх, его семья, аристократия, дворянство и прочие сословия. Внутри каждого слоя может развиваться соперничество с большей или меньшей свободой от правовых ограничений, а следовательно могут строиться новые иерархические структуры, но все это лишь внутри отдельных слоев или малых групп населения (скажем, среди мастеров, художников, коммерсантов). Однако в целом иерархия общества едина (по признаку основному) и статична (ибо утверждена государством).

В такой структуре возможности соперничества людей, а следовательно их творческая активность во всех областях сильно ограничены. Поскольку такая активность, такое соперничество есть свойство человеческой природы, государству удастся поддерживать эту статическую иерархию только путем насилия, ибо наиболее активные индивидуумы заходят в своем соперничестве слишком далеко, преступая закон.

Но рано или поздно, как видим из европейской истории, государство становится не в силах поддерживать единую статическую иерархическую структуру, соперничество внутри об-

щества вырывается за разрешенные рамки и разрушает ее. Если это сопровождается разрушением старого типа государства — говорят о революции. Я думаю, такое разрушение — удел любой искусственно поддерживаемой единой статической иерархии, если культурное развитие общества зашло достаточно далеко. Разрушение такой иерархии может привести просто к перестройке ее — структура останется по-прежнему единой и статической, но какие-то слои (или лица) займут другие места (скажем, бюрократы прогонят воинов и сами станут приближенными к трону). Даже при революции разрушение старой структуры и старого государства может привести лишь к созданию нового государства и новой, но по-прежнему единой и статической иерархии. Но если соперничество людей, еще в рамках старой единой иерархии, привело к созданию многих, важных для людей иерархических признаков, единая структура может не восстановиться после разрушения — наблюдается установление *полииерархической* структуры с той особенностью, что, будучи продуктом естественно развивающегося соперничества людей, она динамична: вообще говоря, нет стабильно утвержденных мест в этих иерархиях, мало того, нет, вообще говоря, утвержденных иерархий. При сохранении некоторых традиционных иерархий (по признакам известности, богатства, мастерства и т. д.) иерархии образуются и исчезают все время. Благодаря сопутствующему таким полииерархическим структурам уважению к правам человека, каждый

на основе собственного решения волен выбрать иерархию, в которой он будет соперничать, мало того — каждый волен *основать* новую иерархию с придуманными им признаками с расчетом занять там желанное первое или высокое положение.* Причем речь не идет о придумывании иерархии, которая обязательно стала бы главной для человека, — одновременно он может соревноваться в других, новых или традиционных иерархиях.

Однако, такие полииерархические структуры в христианской Европе возникли лишь в последние 1-2 века. До этого не было представления о том, что общество разовьется к такой структуре. Между тем многие издавна страдали от ограничений единой статической иерархии и многие мечтали о *равенстве* как гуманной замене существовавшего тогда неравенства от рождения.

Стремление к такому равенству породило в результате современные европейские и североамериканские общества с обеспечением *равенства динамического*, равенства в правовых возможностях в иерархическом соперничестве и в то же время породило идею *равенства стати-*

* Признаки могут быть любые, но иногда немного нужно, чтобы ублажить человеческое стремление к иерархическому росту: это может быть мастерство в новом танце, способность изящно пускать дымовые кольца, коллекционирование предметов, которые никто другой коллекционировать не догадается и т.п.

ческого, обязательного равенства во всем или в основном — идею коммунизма. Сталин преуспел в обмане: с детства научили нас, что социализм и коммунизм — это просто система с государственным владением всей основной собственностью — от коммунистической идеи неестественного равенства сталинская фразеология не оставила ничего.

* * *

Не Вольтер и не Руссо придумали, что статическая иерархическая структура больше не годится для общества. Это было решение самого общества, оно созрело постепенно изнутри. Выдвинутый Французской революцией лозунг равенства был, конечно, утопичным в той форме, как он тогда был сформулирован: люди рождаются свободными и равными.

Однако следование ему разрушило сложившуюся исторически единую иерархическую структуру, и, хотя не сразу, привело к созданию полииерархической структуры общества в большинстве европейских стран. Равенство теперь понималось только как равенство предоставленных обществом прав проявления личности, т.е. равенство ограниченное, т.к. сохраняется различие в объеме реальной возможности для различных проявлений, а реальные возможности для проявления личности различны в силу природного неравенства способностей людей, и в силу того, что люди могут накапливать эти возможности лично для себя или для своей семьи или для своих потомков. Изначальный

принцип равенства Французской революции был практически заменен, хотя и без громкого провозглашения, принципом: *люди рождаются свободными и неравными, и каждый имеет равное право на развитие своих отличий от других.* Преобразованный практикой принцип равенства не противоречит человеческой природе, диктующей постоянное соперничество людей, не рожденных одинаковыми. В результате иерархическая структура общества перестала быть единой и статической.

Я думаю, что состояние нации с единой и более или менее статической иерархической структурой и переход к состоянию динамической полииерархической структуры -- это фаза естественного развития нации на определенном этапе развития культуры. Просто для удобства я буду говорить о молодости нации, состоянии предшествующем развитию полииерархической структуры, и о зрелости нации -- состоянии с полииерархической структурой.* Я понимаю, что любители порядка могут не одобрить такой терминологии и предпочитать говорить о состоянии с полииерархической структурой как о вырождении, как бы дряхлости нации. Дело вкуса.

В любом случае, я думаю, разумно признать,

* Не следует делать выводы об обязательности достижения нацией такой зрелости: как видно из истории, многие нации умирали в молодости. Достижение полииерархической структуры обуславливается, конечно, культурой и во многом культурой человечества вообще.

что характер иерархической структуры — это качество, которым характеризуется историческое развитие нации. Я не вижу причин, по которым какой-либо нации следовало бы отказать в признании способности перейти к состоянию с полииерархической структурой при достаточно высоком развитии культуры этой нации и культуры человечества. Такая структура соответствует состоянию с более высокой степенью осуществления свобод человека. И я не вижу, почему какой-то нации следует отказать в признании того, что ее индивидуумы стремятся к свободе.

Характерно, что к полииерархической структуре общества часто развивались постепенно, без разрушения единой иерархической структуры: просто со временем прежние единые иерархические признаки значили все меньше и меньше, и новые признаки выдвигались не на смену прежним, а для того, чтобы существовать наравне с ними: в Европе есть страны с конституционной монархией и с прежним признанием сословных различий, однако с течением времени эти сословные различия утрачивали свое значение как признак различия в правах и возможностях.

Разумеется, процесс образования полииерархической динамической структуры общества можно описывать в других терминах, говоря о борьбе демократии с деспотией, о борьбе капитализма с феодализмом, о борьбе молодого класса буржуазии с аристократией. Что бы ни принималось за главное в этой борьбе, резуль-

тат один: дробление первичной единой иерархии и утрата статического характера этой иерархии. Это наблюдение я считаю исторически важным, хотя и не абсолютизирую его.

Те, кто в свое время боролся против единой статической структуры, не отрицали неизбежность иерархических структур в обществе вообще, и не отрицали сильнейшей человеческой страсти: страсти иерархического соперничества. Поэтому эта борьба не была противна природе человека, а коль скоро она была своевременна и отражала готовность наций перейти к полииерархической структуре, то она была успешной.

Совершенно иначе был поставлен вопрос коммунистической теорией. Эта теория, доводя признание принципа равенства до предела, не признает естественности иерархического соперничества каждого человека с каждым человеком. Согласно этой теории иерархическая борьба в обществе идет не между людьми, а между классами. Причем принадлежность к классу однозначна — определяется ролью каждого человека в хозяйственном процессе нации. Отсюда путь к всеобщему статическому равенству: так организовать хозяйственный процесс, чтобы каждый человек занимал в этом процессе одинаковое с другими положение, а, следовательно, классы были бы уничтожены, а коль скоро не будет классов и иерархического соперничества между классами, не будет и иерархического соперничества вообще. Авторы коммунистической теории много толковали об объективных

законах развития общества, стремясь, в частности, открыть объективные законы экономического развития. Куда более объективным следовало признать закон иерархического соперничества. Это соперничество есть следствие врожденного инстинкта, проявляющегося в любой группе людей и даже в группах стадных высших животных. Именно поэтому попытки создания коммунистического общества неотделимы от попыток изменения природы человека.

Возможно, многие люди верят, что природу человека можно изменить. В моем представлении изменить природу человека — значит, искалечить его. Я считаю такое изменение природы невозможным, но я не сомневаюсь, что если бы истинные коммунисты захватили бы власть в какой-либо стране, они бы продолжали настойчивые попытки, вопреки природе, изменить людей. К счастью, несмотря на все трагедии, которые мы видели, ни в России, ни в одной европейской стране истинный коммунизм не начал всерьез таких попыток изменения природы людей. Некоторые элементы политики Мао-Цзе Дуна могут быть отнесены к числу таких попыток, но наиболее последовательной коммунистической попыткой приспособления общества к диктуемым коммунизмом общественным отношениям является Камбоджийский эксперимент, унесший в могилу миллионы городского населения Камбоджи.

Уничтожение в Камбодже именно городского населения не случайно с точки зрения стремле-

ния коммунистов к созданию безиерархического общества. Они опираются на слой с наименее выраженной иерархической структурой. В промышленно развитой стране, и даже в России, с точки зрения марксистов, таким был пролетариат. Если смотреть изнутри, там была достаточно ярко выраженная структура, но для интеллигентов, смотрящих на рабочий класс как на массу, эта структура была незаметна, и в любом случае иерархические различия внутри рабочего класса были пренебрежимы по сравнению с иерархическими различиями между слоями общества или различиями внутри других более иерархически расслоенных групп общества.* Для камбоджийских коммунистов таким сравнительно безиерархическим слоем было крестьянство, в силу отсутствия пролетариата. Городское же население было как раз иерархически ярко дифференцировано и обособленно представлялось им носителем иерархических различий.

Нет ли исторического символизма в том, что сталинизм опять помешал продолжению коммунистического эксперимента? — Я имею в виду оккупацию Камбоджи Вьетнамом при поддержке теперешнего сталинистского руководства Москвы.

* Если не считать, что и марксисты отмечали наличие так называемой рабочей аристократии — слой, который, кстати, успешно возрожден Сталиным — все эти стахановы — это та самая презируемая марксистами рабочая аристократия.

Напомню, что марксизм не рассматривает иерархической структуры социализма и коммунизма: предполагается, что ее не будет просто потому, что не будет классов. Но именно то, что коммунизм и его первая стадия — социализм — общество бесклассовое, является главным, определяющим. Обойти это Сталин не мог. Он просто переопределил понятие социализма, объявив, что при социализме сохраняется классовая структура.*

Основное отличие планируемого коммунистами общества от ранее известных общественных структур именно в его безиерархичности, хотя, конечно, на первых порах коммунисты признавали минимальную иерархическую структуру: наличие руководящего ядра — партии, ведущей народ к коммунизму. Отрицание частной собственности, денег при коммунизме, идея об отмирании государства — ярчайшие выражения их стремления к безиерархической структуре общества. Не менее показательно и отрицание семьи, т.к. семья — это первая иерархическая ячейка общества, с которой сталкивается человек.**

* По тому, как Сталин это сделал, видно, сколь неважны были для него все эти ссылки на теорию: за год до конституции он обещал, что социализм будет обществом бесклассовым. Вводя конституцию, он объявил социализм с классами. Мог объявить и коммунизм, ему было наплевать на всю эту дребедень.

** Защищать Сталина — не моя задача, но если на высшем суде бывают адвокаты, несомненно, — не забу-

Если мои предыдущие рассуждения о том, что Сталин победил революцию, что Сталин увел Россию от коммунистического пути развития, были недостаточно убедительны для некоторых читателей, я думаю, сказанное о целях коммунистов построить безиерархическое общество убедит и их. Сталин создал и старался укрепить на будущее как раз обратное. *Он вернулся к единой статической иерархии*, гораздо более прочной и детализированной, чем та, которая существовала в Российской империи до революции.

За четыре столетия существования абсолютной монархии в России российское общество добилось многого в ослаблении статической иерархии абсолютизма. Достаточно указать на завоевание привилегий дворянством (что ограничивало власть верховной власти), и на укрепление крестьян и, в предреволюционное время, на возможность образования частных ассоциаций, хотя и с разрешения властей, а ведь именно свобода ассоциаций — индикатор степени свободы в построении новых иерархий.

Сталин ликвидировал все эти достижения, отбросив Россию на четыре века назад: сравне-

дут поставить ему в плюс, что Сталин вернул народу семью, которую пытались разрушить коммунисты. Но обвинение резонно ответит, что он хоть и не разрушил семью, как институт, но разрушал миллионы семей и варварски использовал семейные привязанности людей, введя институт семейного заложничества (высылка семей перебежчиков, аресты членов семей "врагов народа" и т.п.).

ние его с Иоаном Грозным не так уж и бессмысленно. По иерархической структуре российское общество при Сталине было ближе к тому, что было при Иване Грозном, чем к тому, что было при последнем императоре.*

Продолжая эту аналогию, можно сказать, что только после смерти Сталина новоявленное (хотя и не потомственное) дворянство — так называемая коммунистическая партия — добилась подобия привилегий телесной неприкосновенности (ст. 12 Устава КПСС).**

Важным признаком абсолютной (единой и статической) иерархии является наличие привилегий одних слоев по отношению к другим и полное отсутствие привилегий кого бы то ни было перед верховной властью. В этом смысле дарование привилегий телесной неприкосновенности для дворянства было отступлением от абсолютизма, т.к. ограничивало абсолютную власть верховной власти. В построенной Сталиным ие-

* Национализация всех богатств страны и всех предприятий гипнотизирует тех, кто видит в сталинской России социализм. Сильна инерция мышления и вера сталинской пропаганде. Любой деспот может быть и грабителем, завладев всеми богатствами общества — не вижу здесь социализма.

**

” 12. Если член партии совершил проступки, наказуемые в уголовном порядке, он исключается из партии и привлекается к ответственности в соответствии с Законом”. На этой статье основан негласный институт уголовно-процессуального иммунитета — партия охраняет привилегии своих членов.

рархической структуре таких привилегий не было. Но было неисчислимое количество привилегий каждого слоя по сравнению с другим. Похоже, что Сталин даже увлекался этим созданием чинов, униформ, погон, расписанием номенклатурных пайков и привилегий в зависимости от каждой мельчайшей ступени, созданием слоев даже в массе народа, в общем лишенной привилегий: звания "ударников", награждение орденами разных степеней. Одновременно с этим власть препятствовала любой иерархической самодеятельности: свобода ассоциаций была особенно страшна для власти -- частные ассоциации существовали только в той мере, в какой они были придуманы следователями в сфабрикованных делах об антисоветских организациях.

Сталинское общество отличается от любой стадии общества марксистского социализма или коммунизма именно наличием статической и единой иерархической структуры. Если, несмотря на наличие такой структуры, сталинское общество по-прежнему готово признавать коммунистическим или социалистическим, это означает полную неразборчивость в терминах, это означает, что любое общество, коль скоро оно использует марксистскую терминологию, будет признано коммунистическим. Это не академический вопрос о том, чего ожидать от развития общества и как противостоять и коммунизму, и сталинизму.*

* Те, кто готовы всерьез принимать эту фразеологию и считать советское общество социалистическим,

Успех Сталина, несомненно, объясняется не только его личными умственными и волевыми качествами, но и тем, что Россия того времени не была готова расстаться с единой иерархией. При всех недостатках, которыми, как нам — в современном мире — кажется, обладает единая статическая иерархическая структура общества, она является своего рода защитой для многих, защитой и от потери достигнутого иерархического состояния, и от разгула собственных страстей в попытке достичь высшего иерархического состояния.

Российское общество того времени оказалось перед фактом, что бывшая иерархическая структура разрушена. К созданию полииерархической структуры общество было не готово. К созданию безиерархического общества оно не могло быть готово по той причине, что это противоречит человеческой природе. Однако, коммунисты могли пользоваться тогдашним иерархическим столпотворением для своих экспериментов по созданию коммунистического общества. Начатое Сталиным иерархическое упорядочение (даже не предложенное, а просто начатое) оказалось как нельзя более приемлемым для общества. Конечно, Сталин мастерски интриговал против своих соперников в коммунистиче-

забывают о другой лжи советских правителей о том, что по официальной версии советское общество — демократическое, самое демократическое. Единственный способ понять, что есть советское общество — это очистить свое сознание от всей лжи, исходящей от власти, и строить суждения на чистом месте.

ской партии, конечно, он уничтожал коммунистическую партию, но при всем этом он не добился бы успеха, если бы его цели шли вразрез с тем, что требовалось обществу в то время. Обществу требовалось возрождение единой иерархии, и он дал это.*

В определенных кругах, в основном, среди антизападнически настроенных людей, популярно утверждение, что Россия в принципе не нуждается в демократии, что российскому народному духу более свойственно приятие строя авторитарного (причем термин "авторитаризм", я полагаю, употребляют просто, чтобы не повторять скомпрометированный русский аналог -- самодержавие). Есть люди, которые полагают, что все беды последних 60 лет произошли из-за февральской революции 1917 г., из-за попытки установить демократическое правление в России. Я уже писал об этом и не буду подробно останавливаться теперь.** Но подчеркну, что я не вижу, почему о каком-нибудь народе можно было принципиально сказать, что он не создан для демократического образа правления. Я не отрицаю, что преждевременное насаждение

* Эрнст Неизвестный выразился так: "Сталин был орудием самовозрождающейся монархии" – (личное сообщение). Возможно и это, но мне все же кажется, что Сталин был более чем сознательным орудием. Вопрос о том, придумал ли он свой путь или углядел начертанное историей – не так уж важен.

** "О некоторых тенденциях в эмигрантской публицистике", Континент № 23, 1980 г.

демократии может быть рискованным, может привести к худшей тирании, чем свергнутая — слишком много тому примеров в истории.

Это спекулятивно — говорить о том, что было бы с Февральской республикой, если бы не было большевиков. Положение было слишком противоречиво. Но ни Февральская революция, ни Октябрьский переворот не победили бы, если бы предшествующая единая иерархическая структура не довела бы людей до отчаяния, до желания разрушить иерархическую структуру. И в то же время Россия не оказалась готовой к созданию полииерархической структуры и к плановому переходу к демократическому правлению, как и показывает успех Сталина.

Казалось бы, противоречие странное. Однако, не будем забывать, что российское общество 1917 года отличалось от российского общества 20-х годов, когда Сталин приступил к созданию своей единой иерархической структуры. За это время Россия лишилась большей части себя: репрессии, расстрелы, изгнания за границу, бегства за границу, жертвы гражданской войны — все эти несчастья касались в основном не серой публики, они унесли громадное количество активных и творческих элементов нации. Поэтому речь идет о *двух разных обществах* и поэтому не будет противоречия, если утверждать, что в феврале 1917 г. Россия была готова к более или менее постепенному переходу к демократическому обществу (с возможны-

ми временными элементами революционной диктатуры). А в начале 30-х гг. оставшаяся часть российского общества была готова к возвращению к единой иерархической структуре.* Мало того, оказалась способной отступить на четыре века назад и принять абсолютистскую иерархическую структуру, сравнимую разве что с временами Ивана Грозного.

* Я думаю, этот факт часто не учитывают: 1917 и 1927 гг. – это действительно “две разные России” (то же можно сказать и о 1939 г.), ведь срезали верхушки общества, уничтожали активнейших. Было бы легче говорить о будущем России, если бы мы знали, как скоро общество способно залечивать такие *генетические раны*, как скоро народится тот же процент активнейших, как в 1917 году. Мы даже не знаем, кем являются нынешние “не-рабы” в России – недобитыми остатками активной части старой России, или новой нарождающейся силой.

ЕГО ГОСУДАРСТВО

Какое же государство создал Сталин?

Масса трудящихся слишком многочисленна, чтобы благонадежность каждого могла быть вполне проверена. От этой массы не ждут ни самодеятельности, ни энтузиазма. Это было бы опасно. От этой массы требуют время от времени подтверждать свою верность государству, требуют повторения диктуемых властью лозунгов. Назначение этой массы — быть трудящимися. Каждый трудящийся обязан работать, причем, именно на том предприятии или в том учреждении, в котором его застал указ 1940 г., или куда ему разрешили перейти после 1940 г. Страна была как бы на военном положении. Опоздание на работу было наказуемо.

В сельской местности трудящиеся организованы в совхозы или колхозы. Под руководством директора совхоза или правления колхоза они должны выполнять ту работу, которая будет приказана. Колхозники имеют некоторую собственность: изба, домашний инвентарь, иногда корова или коза и домашняя птица, и приусадебный участок. Такое "льготное положение" — основание для больших ограничений: рабочий день не нормирован, работать нужно столько, сколько нужно колхозу, причем, надо отработать минимум трудодней, невыполнение которого влечет наказание. Что считается трудо-

днем — произвольно определяет правление колхоза. Само название — трудодень — не раскрывает смысла этого понятия, это часто больший объем работы, чем может выполнить один человек за день.

Никто не имеет неотъемлемых льгот. Если кто-то имеет малые или большие привилегии, он подвергается меньшим или большим ограничениям. В иерархической стране, построенной Сталиным, на первый взгляд это звучит странно, но это так. Человек, который имеет большую власть, большие привилегии, ограничен больше, и даже маленькое недовольство власти может привести его к смерти, в то время как ничего не имеющий ограничен гораздо меньше, и даже существенный его проступок или уголовное преступление приводит часто к меньшему наказанию.

Трудящиеся *принуждены* быть живыми машинами на производстве. Власть учитывает, что полностью машинами люди быть не могут. В качестве уступки такому их несовершенству в очень узких пределах разрешено проявлять производственную инициативу в виде предложений по улучшению производства, в виде нарушения нормы выработки *в сторону ее увеличения*. Эта активность на самом деле совершенно не нужна власти, но нужно, чтобы, если трудящийся хочет проявлять активность, его активность проявлялась бы именно в этом контролируемом направлении. Поэтому такая активность поощряется от небольшого повышения зарплаты или путевки в санаторий до государственных наград и всесоюзной славы.

За пределами рабочего времени власть контролирует, но практически не руководит трудящимися. В пределах дозволенного они свободны распоряжаться своим нерабочим временем. *Поощряется все, что уменьшает риск того, чтобы трудящийся использовал свое нерабочее время в нежелательном для власти направлении.* Поощряется затрата времени на транспорт с работы домой: общественный транспорт перегружен, расстояния от места работы до жилья, как правило, велики, и трудящийся не может свободно выбрать место жительства вблизи от места работы не только из-за хронической нехватки жилплощади, но и из-за намеренно затрудненного порядка обмена жилплощадью. Поощряются перебои в снабжении продуктами и товарами личного потребления. Поощряется перегруженность торговых точек с тем, чтобы трудящийся тратил как можно больше времени на доставание пищи, стояние в очередях, переходы из одного магазина в другой. Поощряется крайне плохая организация общественного питания с тем, чтобы как можно меньше свободного времени трудящиеся могли экономить благодаря общественному питанию.*

При этом допускается умеренная критика всех этих "местных временных недостатков"

* Скажут, что все эти неудобства не специально задуманы, просто государство не может накормить население, не может обеспечить его транспортом — аргумент пренаивный, речь идет о государстве, посылающем ракеты в космос. Все эти гадости делаются специально.

с целью заставить более активных людей *растратить впустую* свой запал социального критицизма.

Поощряется участие в спортивных состязаниях или зрелищах и контролируемых властью развлечениях: допускаются визиты в кинотеатры, а в крупных городах -- и театры со строго контролируемым репертуаром, визиты на танцплощадки со строго контролируемым репертуаром танцев и музыки.

Поощряется создание зарегистрированной семьи (не только идеологически, но и фактом существования налога на бездетных и холостяков). Семья является для власти одним из важных факторов контроля над свободным временем. Не осталось и следа от марксистских фантазий об отмирании семьи, о раскрепощении женщины -- женщины стали трудящимися, но не освобождены от забот о семье.

Поощряются организованные, контролируемые коллективные занятия хобби, драматические кружки с контролируемым репертуаром, организованные экскурсии; в определенных пределах -- кружки для увлекающихся ремеслами и рукоделием. Ограничены возможности для индивидуального увлечения ремеслами, так как есть опасность использования этого для частного промысла.

Поощряется употребление спиртных напитков с одновременной пропагандой, чтобы это не переходило границы приличий и не вредило работоспособности.

Все эти меры оказались в высшей степени

успешными, чтобы трудящийся был не в состоянии тратить время на размышления о тех жутких условиях, в которые он поставлен.

Колхозные трудящиеся, в силу того, что они имеют льготы — некоторую собственность и приусадебный участок — гораздо более ограничены в своем свободном времени. Рабочий день не нормирован, и то свободное время, которое остается у них от работы в колхозе им приходится использовать для работы на приусадебном участке — главном источнике пропитания.

У Сталина были громадные возможности воспользоваться еще не остывшими революционными настроениями большей части населения и строить действительный социализм. В рамках этого социализма возможно варьирование доли личной власти: он смог бы насыщать свое властолюбие, если бы оно двигало им. Это мог быть социализм более демократический с предоставлением публике большей инициативы в выборе руководства и путей развития или это могло быть абсолютно единовластное подобие социализма. Сталин мог идти по этому пути. Люди ждали существенных перемен в своей жизни и готовы были принять в широких пределах попытку их переделать. Попытка создания марксистско-ленинского социализма с сохранением его единовластного руководства ничем не угрожало Сталину. Даже коммунистическая партия устала от постоянных разногласий 20-х годов. К концу 20-х годов авторитет Сталина был велик, равных ему практически не было,

и партия пошла бы за ним тем более охотно, чем ближе сталинские планы были бы к ленинскому социализму. Именно потому и существовала опасность свержения Сталина, что он от этой модели в корне отошел, увидел невозможность практического осуществления такой модели, в корне отошел от издавна сформулированных целей коммунистического движения. Ленинская партия в целом, вообще говоря, не могла смириться с откровенной реставрацией империи, пусть и прикрываемой марксистской фразеологией. Только поэтому пришлось ее уничтожить.

В объяснении поступков Сталина нельзя исходить из того, что он был глуп или примитивен в расчетах. На многих примерах он показал нам, что всесторонне обдумывал свои решения. Если мы хотим понять, какие доводы в пользу того или иного решения он имел, нам следует обдумать с учетом тогдашней ситуации последствия этого решения всесторонне, и можно быть наверняка уверенным, что часто он имел несколько мотивов "за" принятие этого решения. Вот, например, избирательная система, предусмотренная конституцией. Какие разумные мотивы мог иметь Сталин для введения такой системы? Первое, что бросается в глаза, и дальше чего толкователи Стаина не хотят идти, — это создание красивого демократического фасада для своего деспотического государства. Да, несомненно, такая цель была, и, быть может, она — главнейшая. Но были и другие цели. Узаконенная практикой система выдви-

жения единственного кандидата на выборы позволяет осуществлять периодический контроль благонадежности населения. Речь идет не только о проценте благонадежности населения в какой-то области по результатам голосования, но и о выяснении персональной благонадежности. Хотя голосование тайное, но первый опыт подачи бюллетеней в конвертах с обязательным заходом в кабину был вскоре оставлен, и каждый на избирательном участке может теперь демонстрировать свою благонадежность демонстративно по-сталински, опуская свой бюллетень в урну, не заходя в кабину и не вычеркивая никого в бюллетене, или показать свою неблагонадежность, зайдя в кабину (бюллетень включает инструкцию: вычеркните всех кандидатов кроме одного. При том, что в бюллетене — только один кандидат).

Ясно, что громадному штату избирательного участка легко проследить и отметить, кто заходил в кабину.*

Но Сталин был бы плохим стратегом, если бы принимаемые им решения и создаваемые им институты не предусматривали потенциальный путь для временного отступления. Созданная Сталиным издевательская система выборов в любой нужный момент повсеместно или в отдельной области может быть использована для насто-

* Впервые подача бюллетеней без конвертов была введена с подразумеваемым оправданием в недостатке времени для организаций при выборах депутатов в Верховный Совет от Прибалтийских республик.

ящих выборов не с одним возможным кандидатом.

Кандидаты выдвигаются на собраниях трудящихся, причем, на практике более или менее многочисленные собрания не соберешь без согласия власти.

Ясно при этом, что даже при наличии многих кандидатов, результат выборов можно сделать таким, как это угодно властям: счетная комиссия контролируется властями достаточно, чтобы объявить нужные результаты. Кроме того, отдельной статьей избирательного закона предусмотрено, что отзыв депутата в отличие от выбора производится открытым голосованием на собрании трудящихся, что, в случае необходимости, властям очень легко устроить.

В старину дома в России строили с большим запасом прочности: толстые стены, громоздкие арки, массивные балки. Сталин строил свое государство со старым русским запасом прочности, предусматривая несколько прочных линий отступления в случае неудачи. Пример избирательной системы — один из многих, которые показывают это.

Конечно, сталинская избирательная система — это красивый фасад, но вопрос: фасад чего? Социализма? Нет. Лучшим фасадом для социализма были бы выборы коллективные — многолюдные собрания трудящихся с открытым голосованием, а не индивидуалистические — тайное голосование с подачей индивидуальных бюллетеней. Собственно, коллективистские выборы и были в обычае после революции. Сталину не ну-

жен был социалистический фасад, Сталину был ну жен фасад конституционной деспотии.

Действительно, зачем социализму нужны тайные выборы? Согласно марксизму, единственное политически значимое противоречие в обществе — это противоречие между враждующими классами. Коль скоро общество бесклассовое, к чему таиться при голосовании? Такое объяснение было бы с легкостью принято. Наоборот, еще бы и похвалили социализм за творческий подход к организации политического процесса.

* * *

Конечно, эта "масса" трудящихся, как я уже говорил, имеет свою иерархию. Всех держат в голоде, но не в равном голоде. Вопреки марксистско-ленинским планам, оплата труда зависит не только от его количества, но и от качества, т.е. квалификации работника, полезности труда* и т.д., т.е. в этой массе установлена иерархия и в определенных пределах человек может в этой иерархии подняться, повышая качество труда и доказывая при этом свою послушность — качество тем более необходимое, чем выше человек забрался. Неодинаковость оплаты труда, зависящая не только от квалификации (с чем люди легче смирились бы), но и от послушности и от доверия властей порождает нарастающие противоречия в обществе, тем более, что всем им, за исключением самых послушных и доверенных, вдолбили, что их отцы

* Подробный анализ см.: Зимин, "Социализм или неосталинизм", Chalidze-Publications, (в печати).

боролись за равенство, за лучшую жизнь, за общество всеобщего богатства — как ни выбивал Сталин марксистские идеи из общества, какие-то отголоски остались.

Что до самых доверенных, так заботами Сталина они не верят ни во что, кроме власти — это их идеология и при Сталине, и теперь. На них лежит ответственность держать эту империю в руках — работа нелегкая, и им не придет в голову мысль, что их привилегии — незаслуженные.

Насколько они, эти доверенные, понимают характер созданного Сталиным общества? Должны понимать, именно они унаследовали это государство, и им нужно, чтобы это была сильная и прочная империя, им нужно, чтобы не было попыток реставрации коммунизма, равно как и попыток демократизации.

СТАЛИНСКАЯ ИМПЕРИЯ ТЕПЕРЬ

Не раз говорилось, что партийная бюрократия встала на сторону Сталина, что он был выразителем ее чаяний. Но ведь на самом-то деле работа Сталина в 20-х годах в том и состояла, чтобы подбирать на ключевые посты в партии таких людей, которые бы его поддержали. Так что поддержала его не какая-то ранее существовавшая бюрократия, а подобранные им же самим люди. С этой точки зрения его следует считать не просто выразителем какого-то ранее существовавшего слоя, а создателем слоя, который он поддержал и на который он опирался.

Именно этот слой правит империей теперь. Что они изменили после смерти Сталина?

Сталинская деспотия завела страну в тупик — это, быть может, не было заметно, ибо Сталин умер вовремя. Собственно говоря, тупика бы не было, если бы Сталин не сделал империю столь сильной, претендующей на одну из ведущих ролей в мире: для средних веков или для слаборазвитой страны эта деспотия вполне подходила бы в смысле обеспечения устойчивости. Но Сталин сделал ее сильной: это требовало дальнейшего развития быстрыми темпами, причем развития научно-технического, зависящего от квалифицированного руководства и творческой интеллигенции. Что бы ни говорили о том, что и творческую интеллигенцию можно заставить

работать в клетке, в шарашке, это возможно, по-видимому, до определенного предела. Не буду разбирать историю с Лысенко -- государственное вмешательство в генетическую дискуссию не помешало усилению страны в смысле, нужном Сталину. Напротив, дальнейший подрыв сельского хозяйства был ему необходим -- я уже писал, что голод был его главным помощником в строительстве великой империи. Наследники Сталина предпочитают даже платить валютой за зерно, но не разрешают населению поправить дела с сельским хозяйством -- сытость населения более опасна для них, чем голодное недовольство.

Но напомним о кибернетике -- Россия и так до сих пор отстает из-за того, что эта область науки была объявлена "буржуазной" (читай -- заграничной!) -- если бы запрет на кибернетику длился еще 10 лет, не была бы Россия теперь такой, как она есть -- сверхсилой, угрожающей существованию человечества.

Это лишь самый очевидный пример прямого вмешательства в науку. Надо помнить, что даже без прямого запрета на какую-то область знания, творчеству нужна хотя бы минимальная степень свободы. Ее немного теперь в России, но существенно больше, чем при Сталине. Это заслуга тех самых "дураков", как их называли и называют, из которых Сталин сделал правящий слой.

Не только для творчества, но и для руководства наукой и промышленностью в наше время было необходимо больше свободы, чем давал Сталин. И бюрократия первым делом обеспечи-

ла себе привилегию относительной неприкосновенности: это не только секретные инструкции, даже Устав КПСС отмечает, что член партии может быть арестован лишь по исключении из партии, т.е. партия решает вопрос о репрессиях, а в соответствии с номенклатурным принципом чем выше чиновник, тем выше орган, решающий это. Конечно, с точки зрения права это -- возмутительная дискриминация, но исторически это -- большой шаг к свободе от сталинской деспотии: не забудем, что торжество свободы начиналось с обеспечения прав классов привилегированных.

Итак, большая свобода для творческой интеллигенции и неприкосновенность для бюрократии -- это и есть главные изменения после Сталина. Все остальное в принципе по-прежнему.* А не забыл ли я, что были прекращены массовые репрессии? Так я уже сказал: бюрократия относительно неприкосновена и нет политических репрессий против нее, а следовательно и не нужно репрессивного фона, нет массовых репрессий. Перестали сажать "ни за что" (т.е. создавать репрессивный фон).

Не забыл ли я сказать, что свободнее стало говорить? Так это тоже следствие: когда сажали за анекдоты -- это тоже "ни за что", это тоже создание фона.

* Я говорю в принципе. Не следует забывать многих частных послаблений, как отмена запрещения менять работу и службу, отмена обязательного минимума трудодней, улучшение законов, отмену внесудебного лишения свободы по приговору особых совещаний и многое другое.

Освободить миллионы из лагерей оказалось возможным именно потому, что фон уже был не нужен.

Я думаю, безопасность аппарата — это первое, что решили обеспечить сталинские наследники: слишком все устали дрожать.

Хрущев пошел дальше. Он был один из тех, из кого Сталин не успел вытравить коммунизм — на Ленина он молился, я думаю, искренно. То, что делал Хрущев в первую половину своего владения, было приемлемо для аппарата, это было укрепление нового порядка, признающего привилегии правящего слоя, а не только правителя. При этом Хрущев пользовался коммунистической фразеологией, и это никого не беспокоило. Это была их фразеология. Но потом стало заметно, что у него это не только слова, что он всерьез помышляет о частичной реставрации марксистского социализма. Его программа партии — самый коммунистический документ за 50 лет советской истории с начала 30-х годов. Пока он ругал Сталина за репрессии против "своих" — его терпели и поддерживали, но он покусился на основы вскормившего их сталинского строя, на основы империи, успешно покончившей с коммунизмом. Этого стерпеть не могли: за *демагогию* могут исключать из партии и теперь; насколько я могу понять, демагогией называют попытку от коммунистической фразеологии перейти к идеологии, т.е. принять эту фразеологию всерьез. Таких в партию и не пускают, и легко понять тепершних партийцев, что они этого терпеть не могут: не

только потому, что это вредно и опасно, а и потому, что нелегко было им самим, без подсказки, понять, почувствовать, что за словами не должно стоять ничего, без этого нелегкого понимания им бы и не продвигнуться.

Преуспел ли Хрущев в реставрации? Почти нисколько. На аппарат это не оказало никакого влияния. Народ он смутил несколько: он эти марксовы слова употреблял с большим приданием смысла, чем положено было при Сталине. Но глубокой заразы этим не внес — уж этот-то народ коммунизмом, я думаю, больше не заразишь.

Итак, во внутреннем строе России изменилось немного, хотя общественная атмосфера и изменилась. Но роль России в мире за последние 30 лет изменилась поразительно. Уже Сталин добился многого: утомленные войной правители были довольны, что он завладел лишь Восточной Европой.* После его смерти военно-технические успехи сделали эту империю одной из двух сильнейших стран мира, а поговаривают теперь, что ее военная мощь превосходит американскую. В то же время исподволь развивавшаяся подрывная деятельность в странах Азии, Африки, Латинской Америки приносит свои

* М. Джилас, "Разговоры со Сталиным", стр. 145. Жданов: "Мы сделали ошибку, что их не оккупировали. Теперь бы все было уже кончено, если бы мы это сделали." (О Финляндии). Сталин: "Да, это была ошибка — мы слишком оглядывались на американцев, а они и пальцем бы не пошевелили." Молотов: "Ах, Финляндия — это орешек!".

плоды. Подрывные группы, усвоившие марксистскую фразеологию и диктаторские мечты, захватили власть уже не в одной стране третьего мира и мало какая из этих стран застрахована от такой судьбы. Эти группы зверствуют в своих странах, но моральные проблемы не беспокоят правителей Москвы: если Иди Амин — это их сфера влияния, сойдет и он. Не всегда удачно, не везде гладко, но всегда нагло и угрожающе расширяется сфера влияния Великой империи. Уже дрожат, боятся рассердить Россию прежние великие державы, уже готовы отдавать кусок за куском, лишь бы успокоить, лишь бы отсрочить. И все кому? Тем "дуракам", которых разыскал Сталин, которых он отобрал не экзаменами, а расстрелами "умных". Оказались они не дураками, и пора бы понять это. Они, быть может, двух слов связать не обучены, а создали умнейший коллективный организм, умеющий и выжидать, и наступать, и обвести вокруг пальца. Их фразеология была бы их слабым местом, если бы они воспринимали ее всерьез, как идеологию. Но утопическая идея, в которую они не верят, сама оказалась их силой, эта идея расширяет сферу их влияния.

Конечно, эта фразеология порождает одно из сильнейших внутренних противоречий: несоответствие пропаганды действительному внутреннему положению, но *система работает*. Быть может, это не опасное противоречие? Немало и других противоречий, и однажды, быть может, они дадут о себе знать погромче, а быть может приведут к катастрофе. Но до сих пор управляют-

ся "дураки", страна не разорвана этими противоречиями.

Для людей, которые не хотят видеть истинной силы, истинного величия теперешней Российской империи, это обилие внутренних противоречий — источник давних надежд на скорый развал ее. Это ошибка. Надеяться на это — значит исключать себя из политического процесса. Предсказатели развала стареют, а Россия движется вперед, к еще большей силе и господству. Не меньшая ошибка видеть в России страну коммунистическую — думать так, значит, тоже исключать себя из политического процесса. Тысячи людей, желая противостоять деспотической империи, борются с коммунизмом, а для России это и незаметно даже, она не коммунистическая! Мало того, как и при Сталине, коммунизм — враг империи и внутри, и в Европе.* Лишь в слаборазвитых странах, где усваивают их собственную деспотическую идеологию с марксовыми лозунгами, русские властители могут допустить игру в коммунизм.**

* Недаром и при Хрущеве сажали людей за участие в тайных кружках *по изучению марксизма*; теперь за это не сажают, но вроде и не слышно о таких кружках — умнеют люди.

** Это выражение — "русские властители" — бесит многих, особенно в эмиграции. Ничего не поделаешь, независимо от того, признавать ли эту власть коммунистической или имперской — это власть русская, эти властители не прилетели с Марса, они русского корня, русской культуры и русского бескультурья; и отрицать это — значит отрицать очевидное.

Величие этой империи, пока правление бесправное и безнравственное, — несомненно, угроза всему человечеству. Но эта империя — не самоубийственна, напротив, осторожна необычайно, по-сталински, поэтому не стоит здесь говорить о том, что могут быть нажаты роковые кнопки. К тому же — если это случится, мы об этом, быть может, и узнать не успеем, и рассуждения уже не помогут.

Коль скоро эта империя осторожна, в обозримом будущем Соединенные Штаты остаются отступающим, но ощутимым тормозом в ее наступлении на все человечество. Но есть два региона, где наступление успешно: слаборазвитый (бывший колониальный) мир и Европа. Да, та самая великая Европа, с которой много веков России было не потягаться, которая служила России и источником технического развития, и примером интеллектуальным, и, будучи семьей стран более развитых, более зрелых, как укор гордыне Российской, как источник комплекса неполноценности.

Смешная игра, растянувшаяся на несколько веков. Сколько споров породила она, сколько противоречий и сколько крови. Одни поклонялись этой Европе, другие чурались ее, веря в свой, российский путь. Одни пытались дорасти до нее, другие упрекали свою Россию, что не доросла.

Для одних Европа была желанной мечтой, для других — средоточием разврата, противоположного душе русской. Много великих идей и много зла пришло из Европы. Русских людей каз-

нили и за эти идеи, и за сопротивление этому злу.

И в основе всего этого -- просто то, что европейские нации *старше*, они раньше начали развиваться в государственные структуры, раньше получили от предшественников культуру.

Но теперь и раньше состарились. И древнее соперничество кончается. Великая Российская империя побеждает окончательно. Европа уже не сомневается в этом, она просто ждет. Она побеждена, этого не остановишь, и *вопрос только в том, как и когда*. И именно это -- вопрос важнейший. Молодые народы не раз в истории побеждали народы одряхлевшие. Но бывало, что при этом старая цивилизация не разрушалась, а становилась достоянием народов победивших, как это было, например, когда Рим одолел Грецию.

Победа неминуема, но можно ли сделать что-то, чтобы отсрочить ее, чтобы до этой победы Россия оказалась готовой европейскую цивилизацию принять, а не разрушить?

Этот тезис об угасании европейской цивилизации беспокоит умы около века. Казалось бы то, что Европа выстояла перед напором тоталитаризма во второй мировой войне, опроверг грустное предсказание (впрочем, без помощи США и России -- не выстояла бы). Но теперь восточный сосед силен как никогда, и все больше людей верит в закат Европы. Только ли дело в силе России? Нет, шансы на гибель Европы больше, т.к. Европа слабеет сама. Дело не в слабости военной или трудностях энергетических,

дело в воле к жизни, в чем-то, социологией и биосоциологией еще не понятом, -- в готовности погибнуть, в слабости, прорастающей не приметно в теле народов.

Имя этой слабости или следствие этой слабости -- социализм. Тот самый, про который думают, что угроза его идет с Востока. Там, на Востоке социализма нет, Сталин кроваво победил его. Этот разъедающий враг общества -- в самой Европе. Это не марксистско-ленинский насильственный социализм, он не пришел революционно. Напротив, он овладел народами тихо, под именем всеобщего гарантированного благополучия, он развился на основе общества демократического, и потому он не зверский, он не уничтожает открыто ни классов, ни правительства. Но он притупляет волю народов, и он непоборим.

Русский читатель узнает: это меньшевистский социализм, тот самый, который, казалось бы, побежден большевиками. Ан, нет, большевиков победил Сталин, их и в помине нет, а меньшевики царствуют на половине континента.

Поэтому, говоря о грядущей победе России над Европой, я призываю замедлить эту победу, но я не призываю усилить, возродить Европу -- это невозможно, этот социализм уже разъел волю народов.

Можно ли спасти европейскую цивилизацию? Хотелось бы -- ведь она наша, мы росли, учась у нее. И хотелось бы, чтобы Россия получила ее, а разрушив -- не получит. Можно ли задержать неминуемую победу России над Евро-

пой до той поры, пока Россия сама достаточно цивилизуется, так что победа не будет разрушением или обладанием, а рождением некоторой общности?

Нет смысла гадать, если речь идет о победе ракетами и танками, но так вопрос в обозримом будущем не стоит (пока, по крайней мере, Европа боится России больше, чем американской защиты). Но наступление идет политическое -- связыванием европейской инициативы, принуждением к оглядке на Россию в любом шаге. Наступление постепенное, неравномерное, так что не видно сразу, что пора держаться друг за друга странам Европы. Уже психологически подмяты некоторые страны, так что и танкам не удивятся.

Разве я первый предупреждаю? Сколько призывов к Западу из самой России -- тверже, тверже! Да нет, лягушка уже загипнотизирована. И в спасении этой старой цивилизации надежда... только на Россию, на ее собственное внутреннее развитие, которое, быть может, отвлечет ее от имперской активности. Развитие медленное -- и наступление, и развитие, о которых я говорю, дело не лет, дело, я думаю, многих десятилетий. Но и в долгом процессе может быть решающ потерянный день.

\$ 7.00

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА

Права человека и Советский Союз, 1974, 304 стр.,
цена — 8.00

Уголовная Россия, 1977, 395 стр., цена — 12.00

СССР — рабочее движение? 1978, 166 стр., це-
на — 7.00

В. Чалидзе, Иностранец в Советском Союзе,
1980, 110 стр., цена — 6.00

Совместно с Э.Клайном, П. Литвиновым (ред.) —
Хроника защиты прав в СССР, годовая подписка,
цена — 15.00

CHALIDZE PUBLICATIONS

Н. Хрущев, Воспоминания, книги 1-я и 2-я,
302 стр. и 288 стр., цена каждой книги — 12.00

СССР: внутренние противоречия, составитель
В. Чалидзе, цена — 15.00

Н. Евреинов, История телесных наказаний в
России, 1979, 234 стр., цена — 15.00

Законодательство о религиозных культах, 1981,
210 стр., цена — 9.00

Коран, 1979, 490 стр., цена — 20.00

Н. Валентинов, Встречи с Лениным, 1981, 356 стр.,
цена — 12.00

П.А. Гарви, Профессиональные срузы в России,
1981, 155 стр., цена — 7.50